

# Невозможные жизни Греты Уэллс

**Автор:**

[Эндрю Грир](#)

Невозможные жизни Греты Уэллс

Эндрю Шон Грир

После смерти любимого брата и разрыва с давним возлюбленным Грета Уэллс прибегает к радикальному средству для борьбы с депрессией – соглашается на электросудорожную терапию у доктора Черлетти. Но лечение имеет необычный побочный эффект: Грета словно бы переносится из своего 1985 года в другую жизнь, которую могла бы вести с теми же родными и близкими в 1918-м, а потом и в 1941 году. И с каждым сеансом терапии так же путешествуют две «другие» Греты Уэллс – божественная авантюристка из 1918 года, верная жена и мать из 1941-го. В каждой реальности Грете ждут свои награды и утраты, каждая реальность имеет свою цену. Но что случится после заключительного сеанса терапии, когда каждая Грета останется в своей жизни? И какая – в какой?

Впервые на русском – новейший культовый хит от автора международного бестселлера «Невероятная история Макса Тиволи», о котором сам Джон Апдайк сказал: «Для Грира, как и для Пруста, жизнь – всего лишь изгнание из реальности в одиночество, набор призрачных миражей, которые способны запечатлеть единственно перо гения».

Эндрю Шон Грир

Невозможные жизни Греты Уэллс

Моим матерям, бабушкам и всем женщинам в моей жизни

Andrew Sean Greer

THE IMPOSSIBLE LIVES OF GRETA WELLS

Copyright © 2013 by Andrew Sean Greer

All rights reserved

Перевод с английского Георгия Яропольского

Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

© Г. Яропольский, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014 Издательство АЗБУКА

От автора

Я бесконечно благодарен Линн Несбит, Ли Будро, Уолтеру Донохью, Каллену Стэнли, Фрэнсис Коуди, Майклу Чабону, Беатриче Делле Монте фон Резори, Брэндону Клири, Кармиэль Банаски; сотрудникам Каллмановского центра Нью-Йоркской публичной библиотеки, особенно Джин Страус и Элис Хадсон; сотрудникам Исторического центра публичной библиотеки Сан-Франциско; авторам книг о Гринвич-Виллидже – Анне Чейпин («Гринвич-Виллидж», 1917) и Терри Миллеру («Гринвич-Виллидж: как он стал таким», 1990); сообществам художников – «Колония Макдауэлла» и «Яддо корпорейшн»; Фонду Санта-Маддалены; Литературному фонду Аспена; виски «Каттос», но больше всего – Дэниелу Хэндлеру, моему лучшему читателю, а также Дэвиду Россу, моему лучшему товарищу.

Эта книга – вымысел от начала до конца. Герои, события и диалоги взяты из воображения автора и не должны рассматриваться как реальные. Любое сходство с реальными событиями или людьми, живыми или покойными, является чисто случайным.

## Карта 1

Надписи к карте (ориг. с. vii)

1. Дом Феликса
2. «Дубовый зал» на площади Плаза
3. Кинотеатр в пожарном депо
4. «Блумингдейл»
5. Железнодорожный мост на 33-й улице

Часть первая

С октября по ноябрь

30 октября 1985 г.

С каждым из нас однажды случается невозможное.

Что до меня, это произошло в 1985 году, незадолго до Хеллоуина, у меня на Патчин-плейс. Даже ньюйоркцы порой с трудом находят этот переулочек к западу от Шестой авеню, где город шатается, словно выпивоха в восемнадцатом веке, и получают всякие выкрутасы: Четвертая Западная пересекается с Восьмой Западной, а Уэйверли-плейс – сама с собой. Здесь есть Двенадцатая Западная и Малая Двенадцатая Западная. Здесь же пролегают Гринвич-стрит и Гринвич-авеню, которая рассекает прямоугольную сетку улиц по диагонали, проходя вдоль старой индейской тропы. Если по ней и ходят призраки индейцев со своей кукурузой, никто их не видит – или не замечает в толпе всевозможных чудиков и туристов, которые в любой час пьют и гогочут у моего порога. Говорят, что туристы все губят. Говорят, что так говорили всегда.

Сделаю подсказку: встаньте на Десятой Западной, там, где она встречается с Шестой авеню, в тени библиотеки Джефферсон-Маркет с ее высокой башней. Поворачивайтесь вокруг своей оси, пока не увидите железные ворота (их так часто не замечают!), и загляните за решетку. Перед вами предстанет улица длиной в полквартала, обсаженная тонкими кленами, – тупичок в полдюжины дверей. Совсем не шикарное место: изогнутый проулок с трехэтажными кирпичными домами, построенными давным-давно для официантов-басков из «Бреворт-хауса»[1 - «Бреворт-хаус» – фешенебельный отель в Нью-Йорке.]. В самом конце, справа, за последним деревом, будет наша дверь. Вытрите ноги о старую щетку для обуви, замурованную в бетон. Пройдите через зеленую дверь: если повернуть налево, можно постучаться к моей тете Рут, если подняться по лестнице – ко мне. А если вы остановитесь на повороте лестницы, то увидите отметки роста двоих детей: мою, сделанную жирным красным карандашом, и другую, синюю, гораздо выше – моего брата-близнеца Феликса.

Патчин-плейс. Ворота, выкрашенные в черное, заперты. Дома вросли в землю. Плющ время от времени изничтожается, но вырастает снова; сквозь трещины в асфальте проросли сорняки; даже важный городской чиновник, торопясь на обед, не повернет головы в эту сторону. Да и кто может догадаться, что там – за воротами, дверями, плющом? Только ребенок заглянет туда. Но вы же знаете, как случаются чудеса. Самые невероятные события случаются без предупреждения, тогда, когда сочтут нужным. Время жульничает, играя с нами. Именно так все и было: однажды утром, в четверг, я проснулась в другом мире.

Я начну с того, что происходило девятью месяцами ранее, январским вечером, когда мы с Феликсом выгуливали собаку Алана. Мы заперли за собой зеленую

дверь и пошли мимо обледеневших ворот Патчин-плейс. Леди обнюхивала каждый клочок грязной земли. Холод, холод и холод. Каждый из нас поднял шерстяной воротник пальто и обмотал шею шарфом Феликса: мы оказались привязаны друг к другу, и я согревала руку в его кармане, а он – в моем. Брат-близнец не был моим двойником: такие же румяные щеки, тонкий нос, рыжие волосы, бледное лицо, раскосые голубые глаза – «лисья мордочка», как выражалась тетя Рут, – но выше меня и несколько крупнее. Я поддерживала Феликса на льду – он сам настоял на том, чтобы выйти без трости: это был один из его хороших вечеров. Мне все еще казалось, что он выглядит очень смешным из-за недавно отпущенных усов и очень худым в своем новом пальто. В этот день ему и мне исполнился тридцать один год.

– Чудесная была вечеринка, – заметила я.

Нас окружала дрожащая тишина нью-йоркской зимы: блики света в высоких окнах квартир, мерцание заиндевевших улиц, приглушенное свечение ночных ресторанов, пирамиды снега на углах, скрывающие мусор, оброненные монеты и ключи. Наши ботинки стучали по тротуару.

– Знаешь, – сказал он, – когда я умру, пусть к тебе на день рождения придет кто-нибудь, одетый, как я.

Он всегда думал о праздниках. С детства я запомнила его властным, уверенным в своей правоте, склонным к нравоучениям – из тех, кто сам себя назначает «командиром огнеборцев» и подвергает остальных членов семьи нелепой муштре. После смерти родителей и особенно после того, как он перестал быть тощим подростком – наподобие меня, – это сошло с него бесследно, как тает весной ледяная корка: он стал чуть ли не полной своей противоположностью и теперь сам разжигал огонь. Он не находил себе места, если день не обещал ничего занимательного; сам придумывал события, закатывал вечеринки в честь кого угодно, лишь бы только выпить и нарядиться. Тетушка Рут относилась к этому одобрительно.

– Перестань, – попросила я. – Жаль, что Натану пришлось так рано уехать. Но ты же знаешь, у него работа.

– Ты слышала, что я сказал?

Я посмотрела на него: на это веснушчатое лицо, на рыжие усы, на темные полукружья под глазами. Худой, испуганный, тихий, весь какой-то потухший. Вместо ответа, я сказала:

- Гляди, все деревья заледенели!

Он остановился, чтобы Леди могла обнюхать забор.

- Нарядишь Натана в мой старый хеллоуинский костюм.

- Костюм девушки-ковбоя.

Он рассмеялся:

- Нет. Русалки Этель. Посадишь его в кресло, будешь приносить ему напитки. Он останется доволен.

- Тебе не понравилось, как прошел день рождения? – спросила я. – Ну да, вышло не ахти. А если ты научишь Алана печь торты?

- Наш день рождения поднимает мне настроение. – Мы шли, разглядывая силуэты в окнах. – Уделяй больше внимания Натану.

Огни отражались во льду, покрывавшем деревья, и те светились как наэлектризованные.

- Это тянется уже десять лет. Может, немного невнимания пойдет ему на пользу? – сказала я, придерживая Феликса под руку.

И тут на холодной зимней улице раздался его шепот:

- Смотри, еще одно.

Он кивнул в сторону парикмахерской, которая всегда красовалась на углу. В витрине висело объявление: «Закрыто». Брат остановился на минуту, пока Леди обследовала дерево, а потом просто сказал:

– Пошли домой.

Вот подходящее выражение: дневник чумного года. Собачья парикмахерская. Лавка с дешевыми украшениями. Бармены, портные и официанты – все отмеченные этой надписью – уходили навсегда. Если вы спросите о таком официанте, вам ответят: «Убыл домой». Бармен с татуировкой в виде птицы «убыл домой». Парень, который жил наверху и устанавливал пожарную сигнализацию, «убыл домой». Дэнни. Сэмюэль. Патрик. Столько призраков, что за ними не разглядеть индейцев, даже если они причитают по утраченному Маннахатту[2 - Название Манхэттен происходит от слова «манна-хатта», что на одном из индейских языков означает «холмистый или малый остров».]

Громко хлопнула дверь, из нее вышла женщина: вьющиеся черные крашенные волосы, длинное пальто.

– Придурки! Вы губите деревья!

– Привет, – ласково сказал Феликс. – Мы ваши соседи. Приятно познакомиться.

Женщина потрянула головой, глядя на Леди, которая готовилась присесть на замерзшую траву.

– Вы разрушаете мой город, – отрезала она. – Уберите свою собаку.

Мы были шокированы ее грубостью; я почувствовала, как рука брата сжимается в моем кармане. Я пыталась понять, что можно сделать или сказать, есть ли другой выход, кроме отступления. Женщина вызывающе скрестила руки на груди.

Феликс сказал:

– Извините, но... маленькая собачка вряд ли сильно повредит дерево.

– Уберите свою собаку.

Я наблюдала за лицом брата, таким изможденным: он мало походил на уверенного, ухмыляющегося близнеца, каким я его всегда знала. Схватив

Феликса за руку, я потянула его прочь; ему все это было совсем не нужно, особенно в наш день рождения. Но брат не сдвинулся с места. Я видела, что он собирается с духом, намереваясь что-то сказать. А я-то думала, что за последний год он израсходовал все свое мужество.

– Хорошо, – проговорил он наконец и потянул за поводок Леди; та споткнулась. – У меня к вам только один вопрос.

Женщина самодовольно ухмыльнулась и подняла бровь.

Он сумел изобразить улыбку, а потом сказал то, отчего женщина остолбенела. Мы же свернули за угол, и нас скрутил нервный смех в той холодной ночи, в ночи нашего последнего дня рождения. То, что сказал Феликс, я несла в себе сквозь все тяжкие последующие недели, сквозь эти ужасные месяцы, сквозь полгода ада, погрузившего меня в такую тоску, какой я никогда не испытывала. Твердо и спокойно стоя перед женщиной, он спросил:

– Когда вы были маленькой девочкой, мадам, – тут Феликс наставил на нее палец, – вы именно такой женщиной мечтали стать?

Все случилось быстрее, чем мы думали. В один из дней Феликс весело болтал о книгах, которые я ему принесла. А уже на следующее утро мне позвонил Алан и сказал: «Он отходит, осталось совсем мало времени, думаю, нам надо...»

Я помчалась к ним на квартиру и застала Феликса в плавающем сознании. Видимо, суставы его так распухли, что каждое движение причиняло ему невыносимые муки; вернулись и жестокие головные боли, а последний курс антибиотиков облегчения не принес. Мы стояли по обе стороны от него, снова и снова задавая ему один и тот же вопрос: «Ты хочешь уйти?» И только через двадцать минут брат сумел открыть глаза и расслышать наши слова. Говорить он не мог – лишь кивнул. Я видела по его глазам, что он пришел в себя и все понимает.

Я оплакивала брата на Патчин-плейс, и со мной был только Натан. Той зимой снег густо усыпал ворота, пригнул клены за моим окном. Рут забрала птицу

Феликса, и я, глядя в окно на обесшеченный зимний пейзаж, слушала, как та щебечет в квартире под нами. Феликс ошибался во многом, но только не насчет Натана: мне следовало уделять ему больше внимания.

Человек, с которым я жила, но чьей женой так и не стала: доктор Михельсон, умный и нежный, в очках, улыбающийся в рыжеватую бородку. Длинное, узкое лицо, морщинки у беспокойных глаз, покаты́й лоб с залысинами. Когда мы только познакомились, я считала Натана «стариком», но, перешагнув тридцатилетний рубеж, вдруг поняла, что он старше меня всего на восемь лет: разница в годах будет понемногу терять значение, пока мы оба не станем одинаково старыми. Вместе с этим откровением пришла печаль из-за потери некоего козыря, который имелся у меня против него. В свои сорок лет Натан ходил со слегка грустным видом и приятно улыбался, что побуждало людей говорить ему: «Но вы же так молоды!» Они не хотели огорчать его еще больше. В ответ на эти замечания Натан неизменно прикрывал глаза и улыбался: думаю, потому, что он был тем, кем всегда хотел быть. Он был врачом, жил в Гринвич-Виллидже, и его любила женщина. Несмотря на седеющую бородку, Натан казался мне молодым – во многом из-за детских страхов, которые он держал при себе, как любимых зверюшек: страх перед акулами, даже в бассейне, страх произнести «суровый» вместо «суровой». Каждый раз, поймав себя на этом, он со смехом признавался мне во всем. Кто знает, сколько страхов осталось невысказанными? Но я полюбила эти чудачества как близких родственников, и, когда спустя много лет слышала от него в отдельных случаях «суровой», мне казалось, будто умер мой старый одноглазый кот.

Весь Натан – в одной фразе, такой успокаивающей, которую он говорил при каждой нашей размолвке во время ухаживания за мной: «Решай сама». Она стала противоядием от всех моих страхов. Может, я провожу слишком много времени с Феликсом и недостаточно с ним? «Решай сама». Могу ли я задержаться на работе, или лучше пойти на вечеринку, которую устраивает его мать? «Решай сама». Фраза избавляла меня от беспокойства, и я любила его за это. Он сделался моим спутником на десять лет. Но в последние месяцы жизни Феликса Натан стал тенью, которой я не замечала. Меня на него не хватало, я отложила его в сторону, и поначалу он относился к этому с пониманием. А потом понимание исчезло. Он был очень мягким, но, когда злился, легко мог стать холодным и равнодушным. А потом я его потеряла.

Всего через несколько месяцев после смерти Феликса я обнаружила, что Натан завел себе новую любовницу. Однажды вечером я пошла вслед за ним и

очутилась перед кирпичным зданием с зигзагообразной улыбкой пожарной лестницы; в окне виднелись силуэты моего любовника и молодой женщины. Сколько времени я там стояла? Сколько времени человек способен наблюдать за жуткой сценой? Пошел снег, мелкий, как пыль, и луч света, падавший из того окна на улицу, казалось, растянулся.

Я никогда не перестану сомневаться, правильно ли я поступила. Я отошла от того здания, вернулась домой, согрелась в одинокой кровати и никогда не говорила Натану об этом. При всем том, что произошло, при всем том горе, которое я схоронила внутри себя, я хорошо понимала его потребность в покое и внимании, в исполнении роли мужа перед женщиной, исполняющей роль жены, – чтобы одновременно пробовать другую жизнь. И я сказала себе: «Он вернется домой, ко мне, а не к ней». В конце концов, нас столько всего объединяло, включая годы, прожитые вместе до появления седых волос. Кто подошел бы ему больше меня?

Он все-таки пришел ко мне домой. Он ее оставил. Я знаю это. Однажды вечером, несколько недель спустя, когда я сидела на Патчин-плейс и читала книгу, а кипевшему на медленном огне супу из белой фасоли оставался час до готовности, Натан вошел, мокрый от дождя, с невероятно покрасневшимся и отекавшим лицом, и в глубине его глаз пряталось что-то такое, будто он стал свидетелем убийства. На бороде блестели капли воды. Он поздоровался и поцеловал меня в щеку.

– Сниму мокрое, – сказал он, прошел в соседнюю комнату и закрыл дверь.

Я услышала скрипичный квартет, который он обычно не слушал, – должно быть, он выбрал первую попавшуюся передачу, громкость которой показалась ему достаточной. Но этой громкости все равно не хватало. Пока он прятался от меня в соседней комнате, я слышала сквозь музыку звуки, которых он не мог сдержать, но все же отчаянно хотел от меня скрыть: рыдания разбитого сердца.

С трудом представляю, что он сказал ей, как поцеловал ее на прощание, как они в последний раз занимались любовью, как он протиснулся в дверь, как она искала слова, чтобы он остался, бросил меня, а не ее. Как он держался за дверную ручку дрожащими пальцами и оба смотрели друг на друга. Он все еще плачет? Она не нашла нужных слов – и вот он здесь. Сидя в соседней комнате, он рыдал, как мальчишка. Вокруг него кружили скрипки, а я сидела в кресле с книгой, и большая латунная лампа отбрасывала на мои колени золотой круг

света. Я понимала, что он сделал. Мне так хотелось рассказать ему, что я испытываю злость, боль и благодарность. Скрипки завершили свой неровный путь вниз по октаве. Чуть погодя Натан вышел из комнаты и спросил: «Хочешь выпить? Я налью себе виски». У него был несчастный вид. Сколько недель или месяцев это длилось? Сколько телефонных звонков, писем, ночей он подарил ей? Это все равно что шею сломать. «Да, – сказала я, опуская книгу, – и суп скоро будет готов». И мы пили и ели, не разговаривая о случившемся только что.

Но настоящим сюрпризом стало то, что спустя несколько месяцев он меня окончательно бросил. Я сидела на водительском сиденье арендованного автомобиля, припаркованного возле ворот.

– Останься со мной, Натан.

– Нет, Грета, я больше не могу.

Он держался за дверцу автомобиля, выбирая слова, которые положат конец нашей совместной жизни. Правда, слова уже ничего не значили. Представляю себя в тот печальный миг: бледное лицо в свете фонаря, почти невидимые ресницы, слипшиеся от слез, рыжие волосы, которые я не так давно обрезала в последней, отчаянной попытке что-то изменить. Представляю, как я открывала рот, стараясь придумать еще какие-нибудь слова. В открытую дверь врывается ветер, текут последние минуты; я понимаю, что отблеск его очков в свете фонаря может стать моим последним воспоминанием о нем.

– Что же мне делать? – крикнула я из машины.

Он холодно поглядел на меня и, прежде чем захлопнуть дверцу, сказал:

– Решай сама.

– Попробуй гипноз, – посоветовала тетя Рут, натирая мне виски маслом. – Пробуй что угодно, только не замыкайся в себе, дорогая.

Кроме нее, никто не навещал меня в эти месяцы. Уверена, что мой отец неодобрительно отнесся бы к визитам Рут: он всегда считал свою сестру

взбалмошной, эгоистичной, неуправляемой – опасная сумасбродка, которую нужно вовремя останавливать. Она из тех женщин, сказал отец мне однажды, которые будут кричать «театр» на пожаре. Тетя Рут была моей утешительницей и союзницей, но не понимала, что творится у меня в душе.

Все давали советы. «Попробуй иглоукалывание», – говорили мне, когда я пыталась встряхнуться при помощи вечеринки. Попробуй точечный массаж. Попробуй йогу, попробуй бег, попробуй травку. Попробуй овес, попробуй отруби, попробуй очистить кишечник. Откажись от сигарет, от молочных продуктов, от мяса. Откажись от выпивки, от телевизора, от своего эгоцентризма. Психиатр, к которому я наконец обратилась, – доктор Джиллио – вел со мной бесконечные беседы о моих покойных родителях, о моих детских воспоминаниях, о рыжих собачках, что резвились на солнечной лужайке с моим братом, и обнаружил у меня обычные проблемы обычного человека. Так ли уж это плохо, спросила я, печалиться оттого, что происходят печальные события? «Появилось множество новых антидепрессантов, – последовал ответ. – И мы их испробуем». Я испробовала их все, от амбивалона до зимелидина. Но и препараты не избавили меня от всегдашнего ночного кошмара: в дверь стучат, я отворяю, на пороге стоит Феликс со своими нелепыми усами и хочет войти, а я говорю, что ему входить нельзя. «Почему?» – спрашивает он. И я отвечала ему каждую ночь: «Ты умер, вот почему».

Рут трет мне виски, целует меня в лоб:

– Ну-ну, дорогая. Это пройдет. Это пройдет. – И, как всегда, добавляет бесполезные слова: – Я думаю, тебе нужен любовник.

Истинную грусть изловить почти невозможно: это глубоководное существо, которое никогда не попадает на глаза. Я говорю, что помню, как грустила, но на самом деле помню только, как лежащая в постели особа – внутри которой находилась я – по утрам не могла проснуться, не могла пойти на работу, не могла даже делать то, что ее спасло бы, а вместо этого делала только то, что ей вредило: пила, курила запрещенные сигареты и проводила бесконечные часы в беспросветном одиночестве. Я хотела бы отстраниться от этой особы и сказать: «О, это была не я». Но это была я, которая глядела в стену и жаждала всю ее разрисовать, не имея для этого достаточно воли. Воли не было даже для самоубийства. Я сидела в своей комнате и смотрела через окно на Патчин-плейс, на постепенно желтевшие осенние клены.

По соседству наблюдалось оживление: все уже готовились к Хеллоуину. Витрины заполнились обнаженными фавнами с серебряной росписью, большими светящимися марионетками, скелетами и ведьмами всех видов. У ворот Патчин-плейс выстроились выдолбленные тыквы, и я понимала, что моя голова хорошо вписалась бы в этот ряд. Улицы были пустынные. Каждым утром мне казалось, что я еду на работу по пустынному городу. Каждым вечером при моем возвращении сумерки становились чуть гуще; все цвета на улице переходили в синий, а с запада струился ярко-лавандовый свет заката над Гудзоном. Он заливал все небо, на фоне которого вырисовывались черные зубчатые силуэты домов-башен. Вот так я жила. Стояла осень 1985 года. До чего я хотела бы жить в любое другое время – только не в это. Похоже, оно было проклятым, наполненным печалью и смертью.

Я отчетливо слышала, как брат спрашивает меня из могилы: «Неужели именно такой женщиной ты мечтала стать?» Да и было ли «это» женщиной?

И вот однажды мой добрый старый доктор Джиллио сказал, постукивая карандашом по блокноту:

– Мы можем попробовать еще кое-что.

Кабинет врача обманул мои ожидания. Я думала – возможно, из-за Хеллоуина, – что он будет напоминать вырубленную в скале лабораторию доктора Франкенштейна. Вместо этого я увидела обычное здание из бурого песчаника. На другом конце двора стоял дом, который я помнила как старую гимназию; теперь он стал частью медицинского центра, и во дворе курили медсестры. Несколько минут я просидела в клетчатом кресле напротив старушки в ярко-зеленой шали, державшей на коленях корзинку для вязания, а затем меня вызвали к доктору Черлетти. Табличка на двери гласила: ЧЕРЛЕТТИ, ЭЛЕКТРОСУДОРОЖНАЯ ТЕРАПИЯ.

– Мисс Уэллс, вижу, вас ко мне направил доктор Джиллио. Это так? – спросил невысокий лысый человек с мягким выражением лица. На нем были большие очки в полуоправе.

– Да, доктор. – Я оглядела комнату в поисках устройства, которым меня будут лечить.

- Он провел предварительное обследование?

- У меня депрессия, - ответила я. - Мы пробовали таблетки, но они, кажется, не помогли.

- Именно поэтому вы здесь, мисс Уэллс.

Доктор Черлетти посмотрел в свои записи:

- Вы не будете возражать, если я задам несколько вопросов?

- Можно мне сначала задать свои? Я ужасно боюсь электрошока...

- Теперь это называется электросудорожной терапией. Уверен, что доктор Джиллио все внимательно проверил. Нет оснований предполагать, что у вас имеются повреждения головного мозга.

- «Электросудорожная терапия» звучит немногим лучше.

Он улыбнулся. На его мягком, добром лице улыбка выглядела обнадеживающе.

- Это сильно отличается от того, что было раньше. Так, например, я собираюсь дать вам тиопентал, анестетик и мышечный релаксант. Будет намного приятнее визита к зубному.

- То есть пентотал натрия? Я буду говорить правду, доктор?

- А вы не собирались? На самом деле этот препарат не заставляет выкладывать всю правду. Он просто уменьшает сопротивление пациента.

- Похоже, мне это совсем не нужно.

- Сейчас это именно то, что вам нужно, - заявил он и, нахмурившись, принялся что-то записывать. - Курс лечения будет продолжаться двенадцать недель, сеансы два раза в неделю, кроме последней. Всего двадцать пять процедур. Закончим к февралю. Это поможет вам пережить тяжелое время. Я знаю, что у

вас недавно умер брат.

– И вот еще что, – сказала я, глядя в окно на медсестер. – Эти сеансы меня изменяют?

Доктор Черлетти тщательно поразмыслил над моими словами:

– Вовсе нет, мисс Уэллс. Вас изменила депрессия. Мы же попытаемся вернуть вас в прежнее состояние.

– Вернуть меня в прежнее состояние...

Он снова улыбнулся и глубоко вздохнул:

– Вы вернетесь к нормальной жизни. Скажите, вы не собираетесь забеременеть в ближайшем будущем?

– Вряд ли, доктор.

– ЭСТ безвредна для беременных, но этот фактор следует учитывать. После сеанса вы можете ощущать определенную дезориентацию. Это совершенно нормально.

– Дезориентацию? Какую именно?

– Пожалуйста, прилягте. Легкое головокружение. Возможно, галлюцинации, хотя они случаются не всегда. Вы можете забыть на мгновение, где вы и кто вы такая. Кое-кто испытывает слуховые галлюцинации – слышит звон колоколов и тому подобное.

– Подождите. Кажется, это серьезно.

– Прилягте, пожалуйста. Вовсе нет. Пациенты утверждают, что это похоже на пробуждение в гостиничном номере. Сначала вы не очень понимаете, где оказались, но быстро приходите в себя. Ложитесь, раз уж пришли. Сделаем анестезию. Вы вообще не почувствуете разряда.

Вошла медсестра с двумя шприцами: в одном – анестетик, в другом – мышечный релаксант. Я легла на хрустящую бумагу и стала разглядывать созвездия на звукопоглощающих потолочных панелях. Затем я закрыла глаза. Врач сказал, что первую инъекцию я почувствую, а вторую – нет, что вся процедура продлится всего минуту и что сила импульса будет в полтора раза выше судорожного порога для женщины моего возраста. Насколько я поняла, следовало вызвать у меня судорожный припадок, чтобы перезагрузить мозг. Черлетти – вероятно, чтобы успокоить меня – принялся излагать историю медицины, уверяя, что сейчас все стало намного лучше. Когда-то использовались электроконденсаторы, представляете? Я почувствовала, как к моим вискам прикрепляют что-то металлическое. Затем мне протерли локтевой сгиб смоченным в спирте холодным тампоном, и последовал ужасный щипок проникающей иглы. Я затаила дыхание. Почти сразу же комнату наполнил неприятный запах гнилого лука, и я отключилась, а потом оказалась в каком-то другом месте. Я помню, что именно я подумала в тот момент: «Не надо возвращать меня в прежнее состояние. Забросьте меня подальше».

Позже, после раздумий, я поняла, что почувствовала себя отрезанной от мира. Ощущение не было неприятным: больше похоже на шок, когда холодные конечности погружают в горячую воду. Казалось, будто меня вынимают из кожи, кушетку, обтянутую хрустящей бумагой, вынимают из-под спины, а из легких выкачивают воздух, – и я на мгновение зависла в пространстве, полностью отделенная от всего, что меня окружало. Вырезанная из мира, точно вырезанный из теста пряничный человечек. Вырезанная и помещенная неизвестно куда.

Как называется временной промежуток, на протяжении которого мы отсутствуем? Вот, например, мы выпили столько, что минуты разделены пробелами, целые часы теряются для нас – и все же мы где-то находимся, что-то говорим, совершаем какие-то поступки и несем ответственность за то, что произошло. Другой пример: очнувшись, мы вдруг обнаруживаем, что говорим по телефону, и нам приходится притворяться до конца. Как называется этот промежуток? Какая часть человека не отключается в такие мгновения? Виноваты ли мы в том, что совершаем тогда? И наконец, кем мы становимся, будучи не в себе?

– Ну вот.

Я открыла глаза. Доктор улыбался мне, и я заметила каплю пота между его бровями.

- В течение всего дня вы можете чувствовать что-то вроде легкого похмелья.

Я оглядела комнату: ничего не изменилось, только выглядела она так, словно я смотрела из-под тонкого слоя воды. А потом я сказала нечто очень странное. Доктор улыбнулся и переспросил:

- Где что, мисс Уэллс?

- Извините, я, должно быть, еще не пришла в себя.

- Вы сможете сами добраться домой?

Я заверила его, что смогу.

Он кивнул и сказал:

- Думаю, вы заметите сдвиг. Мы стараемся проводить второй сеанс на следующий день после первого. Итак, увидимся завтра, а затем на следующей неделе. Запишитесь у Марсии, когда будете уходить.

Он улыбнулся медсестре и легонько потрепал ее по заду, когда та направилась к выходу. Марсия, блондинка с химической завивкой, голубыми тенями на веках и носом набок, достала мою одежду и с легкой усмешкой стала ждать, пока я не переоденусь. Возможно, она улыбалась из-за того шлепка. А может, ее рассмешил вопрос, который я задала, еще не отойдя от анестезии: «Доктор, где все эти дети?»

- Я кое-что видела, - сказала я в тот же день тетушке Рут. - То есть, когда я закрыла глаза, когда они... Я подумала, что нахожусь где-то в другом месте.

Мы сидели в моей квартире и пили чай, вернее, она сидела, а я лежала в постели, положив руку на лоб и борясь с «похмельем», о котором предупреждал доктор. Простая комнатка с большим окном на север и кроватью под ним, моя бывшая детская спальня, теперь - по контрасту - была оформлена ультрасовременно: белые стены, громадные распечатки моих собственных

фотографий, вставленные в рамы, красные шторы, плоская низкая кровать, заваленная белыми подушками. Ни мебели, ни девчачьих безделушек: только деревянный стул и на нем – черные брюки, которые я надевала сегодня. Кровать, вид из окна. Не комната, а заявление о намерениях.

– Голова еще кружится? – спросила тетя Рут. Она носила стальные ожерелья и черные хлопковые платья и, хотя ей было только пятьдесят, красила волосы в белый цвет: согласно ее теории это скрывало возраст. – Пей больше чая. Знаешь, мне не нравится, что они с тобой делают.

– Тетя Рут, не надо. Мне сейчас нужно, чтобы голова прояснилась. Через час я встречаюсь с Аланом.

– Ладно, не слушай меня. Ты уверена, что сможешь увидаться с Аланом?

– Рут, ты в этом году устраиваешь хеллоуинскую вечеринку?

– Не сворачивай с темы. Конечно нет. Как же делать это без него?

– Он бы хотел, чтобы вечеринка состоялась.

– Тогда ему не надо было умирать, – поспешно ответила она. – Только не говори, что в электрошоке нет ничего страшного.

– Электросудорожная терапия. Это последнее средство. Мне говорят, что судороги разорвут патологические связи в моем мозгу, но я-то знаю, как все обстоит на самом деле. Они думают, что я должна стать кем-то еще. Очевидно, эта Грета уже никуда не годится. Она проработала тридцать с лишним лет, но пришло время ее обновить, заменить все части.

– Только одну часть.

– Только одну часть. Меня. Мне тоже это не нравится, но не знаю, что еще можно сделать. Я не могу... Я с трудом заставляю себя вставать по утрам. И все же...

– А что именно ты видела?

Это произошло сразу после появления запаха гниющего лука, сказала я, после того, как я ощутила себя вырезанной из мира, – причем воздействия электричества как такового я не почувствовала. Я открыла глаза и подумала, что процедура закончена. Но оказалось, что я лежу в другой комнате. Вернее, не так – в той же комнате, которая изменилась: стены из белых стали мятно-зелеными, на месте прибора ЭСТ стояли громоздкая эмалированная машина и поднос с белыми ватными тампонами, на стене висел плакат с изображением устройства мозга. Но самым странным был вид из окна. Там, где раньше находился покрытый гравием двор с курящими медсестрами, возникла мощеная площадь, расчерченная линиями и цифрами, полная бегающих, задыхающихся, смеющихся и кричащих детей.

– А потом я опять открыла глаза.

– Ты хочешь сказать, что закрыла их и снова открыла?

– Я хочу сказать, что у меня словно было две пары век. Я открыла вторую пару и снова увидела детей, на этот раз в панталонах и... старомодных платьях: они были выстроены в ряд. А потом все закончилось – надо мной склонился доктор, и я... – Я засмеялась и поставила чашку. – Я спросила у него: «Где все эти дети?» Наверное, он счел меня сумасшедшей. Я не могу этого объяснить. Это было так же реально, как кабинет врача. Я слышала шум уличного движения через открытое окно, чувствовала запах свежей краски.

– Ты уверена? Я слышала, что во сне запахи могут чувствовать только собаки.

– Это был не сон. Доктор сказал, что может возникнуть... дезориентация, так он выразился.

Тетка сидела очень тихо и пристально смотрела на меня, как будто решала, отнестись ли к моему рассказу со всей серьезностью или не придавать ему никакого значения; третьего дано не было. Из ее квартиры доносились трели старого попугая Феликса, который, как всегда, заливался изо всех сил. Мой брат утверждал, что он поет для птиц за оконным стеклом, не понимая, что те его не слышат. Он пел и пел, пока тетка смотрела на меня; ее вечно гремящие украшения приутихли, а черные, блестящие, вытарашенные глаза горели азартом и интересом, которых не замечалось уже несколько месяцев.

– Как же это может не быть сном?

– Ну, – сказала я, откидываясь на подушки, – вдруг у меня в мозгу проскочила искра и как-то соединила разные воспоминания, мою старую классную комнату и старые фильмы. Искра, которая на мгновение сделала их реальными.

– Ты уверена, что этого не было на самом деле?

– Как это могло быть на самом деле?

Ее глаза блуждали по моему лицу, словно она читала книгу; в первые несколько часов после процедуры я, должно быть, и была такой открытой, понятной книгой. Тетка взяла чашку с блюдцем.

– По-моему, есть два вида людей, – сказала она и сделала паузу; стало слышно, как поет попугай. Морщинка между теткиными глазами, похожая на апостроф, стала глубже, затем расправилась. – Одни, проснувшись посреди ночи и увидев, что у окна сидит женщина в свадебном платье, думают: «Боже мой, это призрак!» Такие люди чувствуют, что это реально, и верят в реальность этого. А другие видят призрака и думают: «Не знаю, что именно я видел, но это не призрак, потому что призраков не бывает». Жизнь научила меня различать эти два вида.

Она отпила из чашки, поставила ее на блюдце и добавила с улыбкой:

– Людей второго вида на свете нет.

– Чудесно выглядишь, Алан, – сказала я и обняла его.

Алан оставался любовником моего брата до самого конца: ему было за сорок, когда они познакомились, и под пятьдесят теперь. Мы давно договорились о том, чтобы встретиться и слегка выпить; я чуть было не отменила встречу, но позже в голове у меня прояснилось. Мы не виделись уже несколько месяцев и вообще мало встречались после смерти Феликса. Это было еще одной печалью в моей жизни. Думаю, мы избегали друг друга, как преступники избегают возвращаться на место преступления.

Алан – в ковбойке на кнопках, джинсах с плетеным ремнем и кожаном пальто – возвышался над толпой на целый фут. Я смотрела, как от улыбки оживают морщинки на его лице: морщинки от солнечных летних дней в Айове, где он вырос, от выходных, проведенных с Феликсом и мной в каком-нибудь из Хэмптонов, Ист- или Вест-. Коротко стриженные седые волосы, седая щетина на большом подбородке с бледным шрамом – несчастный случай в саду, хотя он всем рассказывал о «нападении горного льва». И все же мне пришлось сделать поправку на его нездоровье. Передо мной стояла уменьшенная копия того Алана, которого я знала. Он сильно похудел. У здоровяка, которого любил Феликс, теперь была фигура мальчишки. Даже через пальто я ощущала ребра. Я сказала, что он чудесно выглядит, и больше ничего.

– Спасибо, Грета. – Он улыбнулся и погладил меня по щеке. – Ты совсем пропала.

– У меня трудные времена, – сказала я.

Встретиться было решено в одном из старых кафе для туристов на Бликер-стрит: эти заведения никогда не теряли для меня своего очарования. Мы заняли неудобную, деревянную кабинку в углу, рядом со ржавым русским самоваром. Алан снял пальто. Ковбойка больше не обтягивала его мышц; уменьшившись в толщину, он казался моложе. Рядом с нами молодой человек с широким умным лицом строил карточный домик. На столе перед ним лежала туристическая карта. Он поднял глаза, поймал мой любопытный взгляд и поднял бровь. Я отвернулась.

– Как Натан? – спросил Алан, поглаживая подбородок, будто ощупывал старый шрам.

Я вздохнула со смешком и подала знак официанту, чтобы принес кофе.

– Он ушел от меня, Алан. Нет, все в порядке. Ну, не совсем в порядке, но это было давно и... Я по-своему справляюсь. Долго рассказывать. А ты никого не встретил?

Он застенчиво улыбнулся, этот взрослый человек. Квадратная челюсть, сурово-озабоченное лицо, как и положено ковбою, – и вдруг эта улыбка! Я погладила его шершавую руку:

– Не волнуйся, Алан. Феликс никогда не был ревнив, и я бы огорчилась, останься ты один. Но конечно, поняла бы тебя.

– Никого, в общем-то, – сообщил он, вертя в руках солонку. – Есть один парень, который хочет обо мне заботиться. Но мне не нужно ничьей заботы.

– И никогда не было нужно.

– Я скучаю по нему, – сказал он серьезным тоном, продолжая тереть солонку.

Думаю, истина заключалась в том, что Алан всегда был гораздо мягче Феликса и гораздо более ранимым; его спокойствие объяснялось отчасти удовлетворенностью, а отчасти – невысказанным страданием. До Феликса у него имелись жена и дети. Целых сорок лет он был другим Аланом. Возможно, именно поэтому он любил моего брата: жадность к жизни, свойственная Феликсу, помогала ему наверстывать упущенное время. Алан никогда не любил наряжаться или танцевать, но ему нравилось вращаться среди людей, делавших то и другое: он всегда приходил в своих потертых джинсах, с легкой улыбкой на лице.

– Я тоже по нему скучаю, – сказала я. Алан крутанул солонку на столе, и мы стали наблюдать, как по стенам бегают солнечные зайчики. Наконец он остановил солонку кулаком. – Знаешь, чего я хочу? Я не хочу от этого избавляться. Я хочу чего-то невозможного: хочу, чтобы этого вообще не произошло.

– Да, – согласился он.

– Хочу, чтобы этого никогда не было. Я сошла с ума, Алан. Мне назначили ЭСТ.

Он взял мою руку и сжал ее.

– Сегодня была первая процедура. У меня случилась галлюцинация.

Он поморщился:

– От моих лекарств то же самое. Становится легче. А потом все возвращается. Сочувствую.

– Пусть тот парень позаботится о тебе, Алан.

Он на мгновение посмотрел на меня в упор – очень серьезно, с прищуром, отчего морщинки вокруг глаз сделались глубже, – потом покачал головой и отпустил мою руку:

– Я слишком стар и болен для всего этого. – Он отхлебнул кофе и пожал плечами; волосы его были в серебряном ореоле. – Тот юноша думает, что это очень романтично – быть вместе до конца. Быть вдовцом на похоронах. Я сказал ему, что мне довелось побывать таким вдовцом. Это вообще ни на что не похоже.

– Но ты же не умрешь, Алан.

Фраза сама по себе была глупой, но в тот миг прозвучала особенно глупо. Он оторвал взгляд от кофейной чашки. Глаза у него по-прежнему напоминали потрескавшуюся зеленую глазурь и сияли болью и изумлением; вот так странно смотрят на остальных умирающие – как будто мы всего лишь смертные. Где-то далеко выла и выла сирена. Рядом с нами раздался вздох: карточный домик рассыпался и карты разлетелись повсюду.

– Конечно нет, – сказал он с усмешкой. – Никто из нас не умрет.

Той ночью я засиделась допоздна, просматривая обзорные листы из фотографий, стараясь не думать об Алане и особенно о Феликсе. Может быть, я боялась своих сновидений, боялась, что брат снова в них появится. Около четырех утра я наконец оказалась в постели – глядела на мягкие белые стены, на оттиски фотографий, на красные шторы, раздвинутые, чтобы любоваться ночным Гринвич-Виллиджем и неизменным видом: домами на Патчин-плейс, башней библиотеки Джефферсон-Маркет и близлежащим садом. Желтые кроны деревьев гинкго заполняли промежутки между зданиями. Я хочу, чтобы этого не произошло. Помню, что я закрыла глаза и увидела, как во мраке пульсирует одинокая ярко-синяя звезда. В какое угодно время, только не в это. Звезда разделась на две части, каждая из них тоже расколосась пополам, и так

далее, и так далее. Пульсирующие голубые звезды делились, пока не образовали круглое скопление света, и, когда я упала в него, раздался гром: это последнее, что я помню.

31 октября 1918 г.

Был почти вечер, – должно быть, я проспала весь день. Медленное, мягкое пробуждение; далекий колокольный звон, казалось, вынимает меня из паутины. Я чувствовала, как солнечный свет и тени от уличных деревьев попеременно касаются век, и на мгновение ощутила себя девчонкой в загородном доме родительских друзей, где мы с Феликсом когда-то купались в реке, а потом притворялись, что спим на берегу. Отец относил нас – одного, потом другого – в машину, шепча матери: «Разве это не прекрасно – быть ребенком?» Я сделала несколько глубоких вздохов, вспоминая лето и Феликса, прежде чем набралась сил и открыла глаза.

Я долго лежала, пытаюсь понять, что я вижу. Солнечный свет и тень. Полосатый атлас и кружева. Кусок ткани, пятнистый от солнца и листьев, висит надо мной и слегка колышется на ветерке из открытого окна. Звук парового свистка, топот копыт. Полосатый атлас и кружева – все это было очень красиво, все это медленно, волнами, двигалось надо мной, и так же, волнами, двигался мой разум, пока я просыпалась на кровати с балдахинном. Я опустила взгляд и посмотрела на остальную часть комнаты, которую освещал тот же свет, преломленный в воде. Дыхание мое участилось: вокруг кровати, на которой я лежала, не было ни фотографий, ни штор. А комната, которую я видела, не была моей комнатой.

Это было то, о чем предупреждал доктор Черлетти: дезориентация.

Я ведь знала, что это моя комната: форма и размеры – те же, окно и дверь – на своих местах. Но вместо белых стен передо мной были бледно-лиловые узорные обои с шариками и цветами чертополоха. На стенах – картины в позолоченных рамах и закопченные пластины газовых рожков. Столик с японским натюрмортом: фарфоровые палочки для еды и расписной веер. По сторонам от окна висели длинные, тяжелые зеленые шторы, плиссированные и с кисточками, а прямо передо мной в большом овальном зеркале, установленном наклонно,

отражался полосатый балдахин над кроватью. Очарованная и заинтригованная последствиями сеанса, почти зная, что именно сейчас обнаружится, я стала подниматься, наблюдая за тем, как вырисовываются мои собственные очертания...

Вот это да! Что еще можно сказать, если видишь себя обновленным? Я была поражена: длинные рыжие волосы волнами ниспадали на тонкую желтую ночную рубашку, отделанную бесполезными ленточками, – такой рубашки у меня никогда не было. Я трогала свое лицо, думая: что это за трюк? Как эта женщина может быть мною?

Рассмеявшись, я запустила пальцы в свои длинные волосы. Доктор Черлетти сказал, что это быстро пройдет: надо наслаждаться своим новым обликом, пока он не исчез. Скоро я опять сделаюсь маленькой, короткостриженной Гретой Уэллс, в брюках и пиджаке, опять стану бродить из комнаты в комнату. А пока побуду этим прекрасным созданием – творением моего врача.

В дверь постучали.

– Грета?

Я испытала облегчение: хоть что-то знакомое. Это был голос Рут. Я еще раз посмотрела на женщину в зеркале, потом поднялась с кровати и увидела, что желтая рубашка спустилась до самых ступней. До чего сложная галлюцинация!

– Ты проспала весь день, – сказала Рут, открывая дверь и входя. – Глупая девчонка.

Я снова рассмеялась. Моя «дезориентация», оказывается, касалась и Рут: на ней была невозможная черная накидка с бусинами на груди и тугой тюрбан с большим дрожащим пером, тоже черным. Я вздохнула, вспомнив, что сегодня Хеллоуин. Конечно, Рут надела маскарадный костюм. И я тоже: просто после процедуры из моей памяти выпала бо`льшая часть дня. Что до комнаты, парового свистка и лошадей – все это скоро встанет на место.

– Нужно купить еще выпивки до начала вечеринки, а времени осталось мало, – сказала она. – Собирайся, пойдём.

Я ничего не ответила. Тихий голос в голове предупреждал: Осторожно, это не ты, но я отмахнулась от него. Я улыбнулась, глядя на мелкие белые кудряшки, торчавшие из-под эксцентричного тюрбана Рут.

– Нам нужно вернуться до его прихода, он потерял свой ключ, – сообщила она и осмотрела меня с головы до ног. – Ты еще не одета. Давай-ка напялим на тебя твой костюм. – Рут побрела по спальне, непрерывно болтая и спотыкаясь о мои вещи, разбросанные по полу. Наконец она добралась до позолоченного зеркального шкафа таких размеров, что в нем можно было прятать тайных любовников, и распахнула его с криком восторга: – Ага!

Она вручила мне белую блузку и широкую юбку в сборку. Я медленно надела их на себя и уселась не шевелясь, пока Рут быстро причесывала меня. На комод лежало нераспечатанное письмо. Что-то заставило меня взять его и положить в карман. Осторожно.

– Ну вот и все. Моя маленькая Гретель!

Я стояла у зеркала, глядя на сказочную девушку: широкая юбка в сборку, две длинные косы, украшенные зелеными лентами. Это не ты.

– Взгляни на меня, дорогая, – сказала Рут, возясь с каким-то устройством у себя на поясе, благодаря которому ее костюм светился: юбка была усеяна леденцами-посохами, освещенными ярким электрическим светом. – Я твоя ведьма! Теперь давай откормим тебя! Готова?

Я знала, что шаг за пределы комнаты заведет меня еще дальше. Поэтому я, как Алиса перед зеркалом, еще раз взглянула на свое отражение и сказала:

– Готова.

Сколько я себя помню, между башней Джефферсон-Маркет и окончанием Патчин-плейс, где мы с Феликсом часто катались на железных воротах, был лишь пустой огороженный сад. Теперь на этом месте вдруг возникло огромное кирпичное здание, освещенное заходящим солнцем. В одном из зарешеченных окон я увидела что-то вроде скрученной простыни. Вскоре стало ясно, что это

рука женщины, белая, как лебединое перо: пока я на нее смотрела, она ни разу не шевельнулась. Я стояла как замороженная, улыбаясь при мысли об удивительном сне, в который меня занесло.

– В чем дело, дорогая?

Я засмеялась и показала пальцем в ту сторону:

– Посмотри! Что это?

Рут сжала мою руку:

– Тюрьма. А теперь пошли.

– Тюрьма? Ты тоже ее видишь? – спросила я, но она меня не расслышала в шуме праздничной толпы на Десятой улице. Что-то начало складываться у меня в голове. Изменился мой город, изменилась моя комната. Эти длинные волосы, эта длинная ночная рубашка... – Рут, я думала, ты не будешь устраивать вечеринку.

– О чем ты говоришь? – удивилась она, таща меня по улице. – Я всегда ее устраиваю.

– Но ты сказала...

– Он прикончил бы меня, если бы я не стала этого делать! Осторожней, дорогая, ты плохо держишься на ногах.

– Это не я, – сказала я с улыбкой, и Рут, кажется, удовольствовалась таким ответом.

Мы вышли из ворот Патчин-плейс. Я очень осторожно вытащила из кармана конверт и увидела надпись: «Грета Михельсон. Патчин-плейс». Я никогда не носила фамилию Михельсон. А штампель заставил меня застыть посреди движущейся толпы.

Я рассмеялась. Случившееся ошеломило меня. Ты этого пожелала. Штампель объяснял все:

Говорят, существует множество миров и все они плотно, словно клетки сердца, упакованы вокруг нашего собственного мира. В каждом – своя логика, своя физика, свои луна и звезды. Мы не можем туда перенестись, и в большинстве из этих миров мы бы не выжили. Но некоторые из них, насколько я понимаю, почти совпадают с нашим – как те сказочные миры, рассказами о которых тетки распалили наше воображение. Загадывая желание, вы создаете другой мир, где ваше желание сбывается, но можете никогда не увидеть этого мира. В этих мирах есть дорогие вам места и люди. Возможно, в одном из них все правильное неправильно и жизнь устроена так, как вам хочется. А если вы нашли дверь? Если у вас есть ключ? Ведь все знают, что с каждым из нас однажды случается невозможное.

Иной мир.

Зачарованная, я наблюдала за своей жизнью образца 1918 года. Улочка Патчин-плейс была такой же, как и в 1985 году, за исключением тюрьмы рядом с башней. Здание Северного диспансера в конце Уэйверли-плейс выглядело как обычно (кусочек кирпичного торта). Правда, на Седьмой авеню повсюду громоздились кучи щебня от какой-то лихорадочной стройки: женщины в высоких застегнутых ботинках, одетые как цыганские или пиратские королевы, деликатно обходили их. У многих нижнюю часть лица скрывала марлевая повязка. Под ногами валялись древние булыжники. В небе висел серебристый рыболовный крючок луны. В промежутке между ними клубилась шумная толпа незнакомцев, перекликавшихся друг с другом из окон, экипажей, дверных проемов и с балконов. Изменилась всего лишь одна мелочь – действительно, мелочь.

Много ли значит эпоха, в которую мы родились?

– Это прекрасно, – вот и все, что я прошептала.

Раздались звуки фонографа, под них запели двое – мужчина и женщина.

– Надо поторапливаться, – сказала Рут. – Он ненавидит, когда приходится ждать. И сними это кольцо, не будь такой смешной.

Я сняла с пальца кольцо и посмотрела на гравировку с внутренней стороны: Натан и Грета, 1909. В этом мире мы поженились.

Руки Рут чудодейственным образом вытянулись из длинных рукавов и недовольно запорхали в воздухе. Одна из них выхватила у меня кольцо.

– Сегодня Хеллоуин. Ты молода, а он далеко, на войне, и тоже не упускает случая поразвлечься. Молодчина! На вечеринке тебя будет разыскивать Лео. – Рут наклонилась ближе; я ощутила запах фиалок, сигар и сладкого коричневого масла, которым она, должно быть, смазывала волосы. – Свободная любовь, дорогая, – сказала она, похлопывая меня по щеке.

Итак, в этом мире Натан был на войне.

– Осторожно, мэм!

Забыв об окружающем мире, я на кого-то наткнулась:

– Простите, я...

Это был молодой человек, наряженный джином. Прежде чем двинуться дальше, он улыбнулся и тронул меня за плечо. От его прикосновения у меня перехватило дух. Я попыталась отдышаться, пока он продолжал свой путь среди толпы.

Рут потянула меня за руку:

– Ну же, дорогая!

Но я не могла двинуться с места, глядя, как он уходит от меня, смеясь и болтая со своим спутником, как он исчезает в толпе. Рут крепко схватила меня за руку и встревоженно шепнула:

– Грета, ты в порядке?

– Я знаю этого человека, – сказала я, указывая в ту сторону, где в лунном свете мерцал его костюм. На мои глаза навернулись слезы радости. – Они живы, – вот все, что я смогла произнести. – Они не умерли.

– Дорогая...

– Тот парень... – Я протянула руку к джинну, исчезавшему в толпе. – Его звали Говард.

Как я могла объяснить? Год назад я видела его каждый день: он продавал мне багеты в пекарне за полцены. Те же короткие светлые волосы, та же светлая бородка, та же белозубая улыбка. Точно так же он выглядел, когда стоял за прилавком – несколькими месяцами раньше. И когда махал мне рукой поздно вечером, стоя в узких джинсах рядом со своими приятелями. И на фотографии, прикрепленной к его гробу, он был таким же.

Они снова смеялись, оборачивались, озирались вокруг: знакомые молодые люди, появившиеся в этом незнакомом мире. Мужчины, скончавшиеся несколько месяцев или лет тому назад от чумы XX века, воскресли чудесным образом! Вон тот, в военной форме, – это же парень, делавший украшения из папье-маше и бисера: умер этой весной. Еще один солдат, суровый белокурый швед, спрыгнувший с трамвая, когда-то продавал журналы, а умер два года назад, одним из первых, как канарейка в шахте. Кто знает, сколько еще их отправилось на войну? Все до одного были живы, и не просто живы – они кричали, смеялись, бежали по улице!

Разумеется, 1918 год, мир задолго до чумы. Мир, в котором они не умерли.

Уже опустились сумерки, когда мы с кувшинами пива в руках вернулись к Рут, – ее квартира в этом мире походила на сказочную страну. Потолок был оклеен серебряными звездами, у входа в столовую стоял картонный пряничный домик, усыпанный мятными конфетами: некоторые уже упали на пол. На стене висел бумажный замок с водопадом из волос Рапунцель.

Среди толпы гуляк я не могла собраться с мыслями и поэтому проговорила только теперь:

– Рут, мне надо рассказать тебе кое-что невероятное.

– Не сейчас, дорогая, – сказала она, выпроваживая меня обратно на улицу. За ее спиной желтые листья закрутились в спираль. – Позже, когда выпьем.

– Я не та, за кого ты меня принимаешь. Однажды ты мне сказала...

– Тогда кто? Я собираюсь варить пунш. – Она сжала мне руку. – Надо сделать покрепче, чтобы помогал против гриппа. И чтобы помог нам пережить это безумное время. Постой здесь: я уверена, что мы заставили его ждать. – И она исчезла в доме, ослепив меня ярким электрическим светом своего костюма.

Другой мир. Такой стала бы моя жизнь, родись я в другое время. Рут была такой же, но что еще изменилось? Я посмотрела на свой палец, где на месте обручального кольца осталась розовая полоска. Я замужем. Я должна была догадаться, что Натан мог отправиться на войну. Конечно, я не найду его: он не ждет меня в этом мире.

Оглянувшись, я увидела кое-что необычное: через весь Патчин-плейс протянулась цепочка разбросанных на камнях хлебных крошек – прямо к теткиной двери. Я чувствовала странное магическое сопряжение миров. Я долго смотрела на эти крошки, потом очнулась и пошла туда, куда они вели, – в сторону ворот. Кучки крошек встречались через каждые несколько футов. Мне ни разу не пришлось в голову поднять взгляд и посмотреть, кто мог их оставить, – пока я не протянула руку, чтобы коснуться одной из них и удостовериться в их реальности. В этот миг прозвучал голос, заставивший меня выпрямиться: «Гретель!» Я подняла взгляд. В голову мне ударила черная молния.

У ворот стоял мужчина, одетый сказочным персонажем. Он снял шляпу с перьями.

– Я бродил по кварталу. Как долго тебя не было! – крикнул он.

Ты надеешься на что-то, а затем за пределами надежды...

Та же лисья мордочка, что и всегда, и улыбка на ней: вот он, с кожей, мышцами и кровью, бурлящей в полном жизни теле.

- Почему ты так долго?

Я еле-еле вывожу эти слова. Передо мной был мой брат Феликс.

- Нет, ты не можешь быть здесь, - сказала я. - Не можешь.

Он со смехом поинтересовался почему.

Я долго смотрела на него, прежде чем ответить:

- Ты умер.

- Не хочу разочаровывать тебя, пышка, но я все еще трепыхаюсь.

Последовал смех, который я так хорошо помню. Рыжие волосы, коротко подстриженные на висках, всегдашние редкие веснушки, мерцающие светлые глаза.

- Нет, - сказала я, крепко прижавшись к стене, чтобы не упасть. - Я была там, я тебя видела, я держала тебя за руку.

Опять эта улыбка.

- Сегодня же Хеллоуин! Мертвецы ходят по земле! Пойдем наконец домой и добудем выпивки у Рут.

Из одного дома донесся крик, затем звук разбитого стекла и смех.

Когда он повернулся, я крепко схватила его за руку. Рука оказалась твердой, сильной и живой. Она больше не была тощей и слабой. Сейчас он смотрел на меня серьезно. Я вспомнила нашу последнюю встречу, когда он пытался проглотить ложку яда: на руке двигались проводки сухожилий. И вот он здесь. Живой. Как может его сердце биться по-прежнему?

– Грета? – спросил он, внимательно глядя на меня.

Мы стояли, почти касаясь друг друга. Я уверена, что только так – когда мы стояли лицом к лицу – можно было обнаружить сходство между нами. Глаза без ресниц, так много скрывающие, полные красные губы, все выдающие, почти одинаковый цвет кожи и волос – просто на меня как будто упала мимолетная тень.

– Феликс, кое-что произошло, – твердо сказала я. – Я – это не я.

Мгновение он стоял неподвижно, и я наблюдала в свете фонаря за его напряженной улыбкой. Я крепко держала его за руку и не отводила от него глаз. Он стоял на ночном ветру – долговязый, в кожаных бриджах, с голой шеей. Это был мой старый кошмар, прибывший по графику, как делал это каждую ночь. Однако на этот раз его вызвал не мой спящий разум, а взмах волшебной палочки доктора Черлетти.

Появились несколько человек, приглашенных на вечеринку, они смотрели на нас и улыбались. Я разглаживала передник, надетый поверх моей широкой юбки в сборку, понимая, что мы с братом – персонажи не их сказки.

– Я знаю, что ты тоскуешь, – сказал Феликс, когда они скрылись в доме. – Знаю, тебе было тяжело, когда ушел Натан. Я понимаю, зачем ты пошла к врачу, но он, конечно, не ожидал таких побочных эффектов.

Я подняла взгляд и увидела луну, которая взошла между зданиями; вскоре стало ясно, что луна свисает из окна на леске, а свет идет от спрятанной внутри свечи. У окна стояла хорошенькая женщина в костюме Арлекина и раскачивала луну над толпой. За спиной у женщины возник человек, одетый черным котом, и поцеловал ее в затылок.

Феликс сжал мою руку и убрал волосы, упавшие мне на лицо.

– Я знаю, что тебе одиноко.

– Да, – проговорила я наконец. – Мне одиноко.

– Извини, что я уехал так надолго. Отец Ингрид хотел, чтобы я познакомился со своей будущей семьей. Но теперь я снова здесь. – Огни проезжавшего мимо кеба осветили его лицо. – На какое-то время.

Самодовольная полуулыбка под надменными усиками...

И я поняла: теперь можно сказать то, что я шептала про себя все эти месяцы, лежа в постели, с устремленным в окно взглядом, с ресницами, слипшимися от слез. Наконец-то можно сказать это человеку, к которому я всегда обращалась, думая, что он никогда уже меня не услышит. Вот он стоит передо мной, в своем хеллоуинском костюме. Я снова прижалась к нему и сказала:

– Я скучала по тебе.

Он слегка усмехнулся, позволяя себя обнять.

– Я скучала по тебе. Боже, как я скучала по тебе, – повторяла я.

– Я тоже скучал по тебе, Гретель.

Я отстранилась, не отпуская его рук. Он улыбался. Над нами качалась луна, а Коломбина начала петь собравшейся внизу толпе. Я спросила у него, кто такая Ингрид, и он снова сжал мою руку.

– Ингрид, – произнес он отчетливо. – Ты видела ее. Ты вспомнишь. Очень милая, живет в Вашингтоне, дочь сенатора. Ты вспомнишь. – Он рассмеялся, но я видела: что-то его беспокоит. – Я женюсь на ней в январе.

– Женишься на ней?

Он осторожно улыбнулся и кивнул:

– Трудно поверить, что кто-то может выйти за меня, верно? Так вот, я один из немногих подходящих мужчин в городе. Мне повезло, что я немец.

С облегчением я обнаружила, что смеюсь. Мой брат? Тот, что повис на фонарном столбе в своем мальчишеском костюме, закатывая глаза, заламывая руки,

подмигивая мне, – все ли видят это? Не похожий на девчонку, конечно, уже не такой, как в подростковые годы, когда он пытался ходить в моих туфлях и ожерельях. Да, в каком-то смысле он вымуштровал себя и убедил окружающих, что он все-таки мужчина. Но любой человек мог сказать, как все обстоит на самом деле, – любой, кто дает себе труд присмотреться и немного разбирается в жизни.

– Феликс! – воскликнула я. – Феликс, ты шутишь! Я, наверное, сплю. Ты не можешь на ней жениться.

Он напрягся, нахмурился и оставил в покое фонарный столб:

– А вот и женюсь. Ты всегда говорила, что она тебе нравится, так что не отпирайся.

– Да я и не отпираюсь, но как же Алан?

– Ты о чем?

– Я точно сплю. Если ты и женишься на ком-нибудь, это должен быть Алан.

Быстро, не раздумывая, он спросил:

– Женить его на ком?

Это была быстрая реакция человека, который не лжет, а, скорее, живет в своем тщательно сконструированном мире – наподобие акустической камеры, – который поглощает ложь, прежде чем изрекший ее сам поймет, что солгал. Нашему разуму ведомо все, в том числе и то, что человек не осознает.

– Понятно, – сказала я.

Секунду мы смотрели друг на друга. Узкая полоска лунного света переползала с крыш на улицу, словно бродячая кошка, и освещала мою прежнюю жизнь старого образца. Эффект обезьяньей лапки[3 - «Обезьянья лапка» – рассказ английского писателя Уильяма У. Джейкобса. «Эффект обезьяньей лапки» состоит в том, что отрицательные последствия волшебного исполнения желаний

намного превосходят положительные.]. Я попала в мир, в котором брат был жив и даже не попал на войну, но моя мечта была плохо продумана, и этот мир оказался ловушкой.

- Грета... - начал было он, но остановился.

Есть истины, известные всем, кроме нас. Каждый сталкивался с чем-то подобным: от этого не застрахован никто. Не секрет, не скандальные факты - нечто простое и очевидное для всех остальных. Нечто простое, например потеря веса, или сложное, например расставание с мужем. Как это ужасно - понимать, что всем известно средство, способное изменить твою жизнь, и что никто тебе о нем не расскажет! Остается лишь гадать на свой страх и риск, пока тайное не станет явным, но это всегда происходит слишком поздно.

- Предъявите увольнительную, - раздался грубый голос у нас за спиной. Крупный курносый полицейский в синей форме. Я не сразу сообразила, что на нем отнюдь не маскарадный костюм.

- Я освобожден от службы, - ответил брат. - Я немец.

- Предъявите документы.

- Да, - сказал Феликс, подавляя ярость. - Да, сейчас.

Кажется, у меня с собой не было ничего похожего на бумажник. Я задумалась над тем, есть ли вообще у меня документы и какие документы должны у меня быть.

Феликс достал маленькую карточку, которая сразу оказалась в руках розоволицего; нахмурившись, тот стал изучать ее. В верхней части карточки жирными каллиграфическими буквами было оттиснуто: Удостоверение подданного неприятельского государства.

- На кого вы работаете? - спросил полицейский.

- Я свободный журналист.

- Кто ваш работодатель?

Повернувшись ко мне, Феликс сказал очень спокойно и тихо:

- Иди на вечеринку. Я тебя найду.

- Нет! - крикнула я.

Полицейский потянул его обратно:

- Со мной разговаривай, фриц, а не со своей девицей.

Он поинтересовался, кто знает Феликса в этом районе и не состоит ли он в какой-нибудь немецкой организации.

- Нет! - вцепилась я в Феликса. - Я не могу потерять тебя снова!

- Ступай, Грета! - зашипел Феликс.

Полицейский снова рявкнул, требуя к себе внимания: теперь его интересовало, не состоит ли мой брат в коммунистической партии. Я смотрела, как он уводит Феликса, как тот исчезает из моего поля зрения. Рыжие волосы, длинные ноги, кожаные бриджи - все пропало. Стоя на Патчин-плейс, я завопила, призывая своего Гензеля[4 - «Гензель и Гретель» - сказка братьев Гримм о юных брате и сестре, которым угрожает ведьма-людоедка.], - так отчаянно, словно переломала себе сразу все кости.

В первый раз я ненадолго задержалась в том мире. Рут обнаружила, что я лежу съездившись на ее пороге, и повела меня наверх - в мою квартиру. Я беспрестанно повторяла: «Он пропал! Я опять его потеряла!» Проходя мимо квартиры Рут, я видела одни только сказочные костюмы, слышала только смех и шум вечеринки. Рут шепнула:

- С ним все будет хорошо, все будет хорошо. Но, дорогая, ты должна была предупредить о приходе твоего врача.

Она провела меня в спальню, где стоял доктор Черлетти.

В этом мире он носил маленькие очки в тонкой металлической оправе, но оставался все таким же лысым и был в аккуратном коричневом костюме. В одной руке он держал за латунную ручку какой-то деревянный ящик.

– Я пытался дозвониться, миссис Михельсон. Прошу прощения: мне следовало догадаться, что вы можете все забыть после вчерашнего. Мы проведем нашу процедуру в домашних условиях. Это так же просто, как в больнице.

– Извините, – обратилась Рут к доктору, усаживая меня на кровать. – Она мне не сказала. Я не знала.

Тот ничего не ответил и поставил ящик на столик, открыв крышку до середины, как открывают коробку с инструментами. Внутри ящик был обит зеленым бархатом. В специальном углублении стояла наполовину обернутая фольгой стеклянная банка, из крышки которой высовывалась латунная кнопка. На бархате лежал серебряный обруч, опоясывая дно банки. От него к устройству шел провод. Доктор поднял банку и поставил ее передо мной, затем обеими руками осторожно вынул обруч.

– Мы делаем это дважды в неделю, Грета, – мягко сказал он, держа обруч перед собой. – Запомните. Мы увидимся снова в следующую среду. Может быть, вы научитесь делать это самостоятельно.

– Я не помню ни о чем таком... – пробормотала я.

Доктор объяснил, что это конденсатор. Лейденская банка. Нужно лишь дотронуться до кнопки. Я посмотрела на Рут, – казалось, она была готова расплакаться. Ее электрическое платье светилось в темной комнате, так что наши лица, склоненные над прибором, выглядели розовыми.

– Ну же! – подбодрил меня Черлетти. – Вчера вы это уже делали.

Не это ли чувствовала Алиса, когда бутылка предложила ей: «Выпей меня»? Она знала, что таким образом попадет в заветное место, в прекрасный сад за маленькой дверцей.

Доктор осторожно водрузил обруч мне на голову. Я посмотрела на странную банку, – кажется, внутри была вода. Светилась ли она на самом деле, или мне это привиделось? Через миг я вытянула указательный палец правой руки и поднесла его к блестящей латунной выпуклости...

Когда доктор ушел, Рут раздела меня и дала мне снотворное, которое он оставил, хотя мое тело и без того желало лишь сна. Я вспомнила о яркой искре, проскочившей между прибором и моим пальцем, о голубом пламени, которое горело в моем мозгу. Я все повторяла, что он умер, Феликс умер, а Рут пыталась утихомирить и успокоить меня, как вдруг с улицы донесся крик: «Грета!» Я в оцепенении подошла к окну, думая, что это Феликс сбежал из полиции. Но это был незнакомец. Интересно, прибор уже подействовал? Под моим окном, с цветами в руках, стоял молодой мужчина в форме времен Гражданской войны. Круглое умное лицо, маленькие глаза, поднятые брови. Широкая пьяная улыбка. Набриолиненные волосы блестели в лунном свете.

– Посмотри на парня под окном. Он только что послал мне воздушный поцелуй, – сказала я.

– Ой, дорогая, да это же Лео! А теперь спать, пожалуйста, ради меня, иди спать, Грета.

Я еще раз взглянула вниз. Он помахал мне рукой, этот Лео, а потом Рут оттащила меня обратно в постель.

Помню, что огни ее электрического платья сквозь закрытые веки напоминали неоновые вывески отелей, мигающие в темноте во время долгой ночной поездки. Я чувствовала, как под тяжестью моего сознания ветка, на которой оно висит, клонится все ниже и ниже, и, когда до меня дошло, что черенок оторвался, я уже падала, ослепнув, в пустоту.

Где-то – почти непременно – должен быть рай. Если нас окружают другие миры, отстоящие от нас всего на вспышку молнии, что мешает туда проскользнуть? Если мы потеряли любовь, есть мир, в котором этого не случилось. Если явилась смерть, есть мир, где ее удалось отогнать. Конечно же, есть место, где исправлены все огрехи, – так почему я его не нашла? Вместо него мне дали

такую вот жизнь: родившись в другом веке, я выросла в корсетах и лентах вместе с братом-близнецом, вышла за своего Натана и проводила его на войну. В этой жизни мой брат был жив, но не был счастлив.

Так почему же именно этот мир? Почему не другой – идеальный, в котором ничто не проскользнет у меня между пальцами? Несомненно, рай должен существовать. Возможно, в этом и заключается моя задача – создать его.

1 ноября 1941 г.

Какой странный сон! Я проснулась. На потолке весело резвились солнечные зайчики, в воздухе замирал колокольный звон. Простыни были мягкими и теплыми, и я чувствовала себя освеженной, будто проспала сто лет. Слышались звуки тихого разговора, шаги, скрип половиц. Но еще до того, как я открыла глаза, меня встревожили запахи. Газовое освещение, сажа и навоз, корица и фиалки того, другого мира – все исчезло. Здесь пахло пылью и лосьоном после бритья. Почему лосьоном? Мои глаза открылись, чтобы увидеть совсем другую сцену. Я не удержалась от улыбки. «Я пока еще не вернулась, – подумала я. – Снова незнакомое место».

На окне моей спальни вместо зеленых штор висели золотистые, а на стенах – фотографии пейзажей, а не картины, но я по-прежнему была в своей комнате, в своем доме. Снаружи виднелись все те же низкие кирпичные здания Патчин-плейс. Судя по желтым листьям гинкго, в Гринвич-Виллидж пришла осень. Но куда же делась тюрьма? Я с интересом разглядывала разные женские штучки на туалетном столике: баночки с кремами и порошками, расческу с длинной ручкой, шпильки в аккуратной жестяной коробке. Все вещи были мне незнакомы, но между зубьями расчески запутались мои собственные рыжие волосы. На зеркальную корзину для бумаг падал утренний свет, лучи отражались и разлетались по всей комнате. Очень красиво. Пыль и лосьон после бритья. Казалось, нет ничего невероятного в том, что я снова очутилась где-то в другом месте, что каждое утро будет разворачиваться по-новому, словно книжка-раскладка, составленная из возможных жизней. Поэтому я не удивилась, услышав стук в дверь. Разговаривали двое. Знакомый голос произнес: «Миссис Грин!» – и, прежде чем обладатель голоса вошел в комнату, прозвучала не менее знакомая фраза: «Решайте сами!»

Натан улыбнулся мне с порога. Но он изменился, как и все остальное. Он стоял над моей постелью, чисто выбритый, в очках с проволочной оправой, в форме цвета хаки. Как странно было видеть его без бороды! Он выглядел очень молодо: то же длинное узкое лицо с беспокойными морщинками вокруг глаз, тот же высокий лоб с залысинами. Рука на моей щеке, непринужденная и добрая улыбка, задумчивый взгляд карих глаз, направленный на стакан воды рядом со мной: мгновение спустя он поднес стакан к моим губам. Я напилась, и он встал, чтобы уйти, но я схватила его за рукав правой рукой: в левой ощущалась какая-то тяжесть.

– Натан... – начала я.

– Тсс, – сказал он, снова укладывая мою руку вдоль туловища и поглаживая ее. – Молчи и отдыхай. Доктор Черлетти сказал, что первые несколько сеансов могут быть трудными.

– Все изменилось.

– Доктор говорил, что ты можешь забыть о чем-нибудь. Не беспокойся об этом.

– Хорошо, – сказала я.

Не люблю разрушать очарование. Посмотрев на свою левую руку, я увидела, что она в гипсе. Я коснулась его прохладной поверхности и застонала от боли: у меня явно был перелом.

– Что случилось?

Я посмотрела ему в лицо, которое сильно изменили чистый, гладкий подбородок, короткая стрижка и все остальное, чем он успел обзавестись в этом мире. Но с первого взгляда было ясно, что передо мной все тот же упрямый Натан.

– Я сломала руку, – сказала я, хотя это и так было понятно.

– Да, – подтвердил он. – Несчастный случай.

Я попыталась приподняться.

– Не вставай. – Натан взял меня за плечи, чтобы уложить обратно в постель, но я вздрогнула от его прикосновения: я поняла, что умру, если он прикоснется ко мне вот так после всего случившегося.

– Не надо, – попросила я. – Кое-что изменилось.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не отсюда. Я не та, за кого ты меня принимаешь.

– Дорогая, я знаю, что ты сбита с толку, – сказал он, присаживаясь.

Но я уже не слушала. За окном кое-что изменилось. На одной из крыш появился рекламный щит, возвещавший о том, чего никогда не было в моем мире.

– Какой сейчас год?

Он попытался сохранить спокойное выражение лица и только сжал мою руку:

– В другой комнате есть снотворное. Врач сказал, что оно совершенно безвредно...

– Натан, какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот сорок первый, дорогая. Первое ноября сорок первого года.

– Ну конечно, – сказала я. – Теперь я все припоминаю.

Пока он гладил меня по волосам, я старалась улыбаться. Я смотрела на рекламный щит. Мятно-зеленые буквы высотой в человеческий рост были вписаны в круг:

Сорок первый, мир других вариантов и других провиантов! Такси старых моделей, сигналившие на улицах; полицейские, одетые в мундиры с медными пуговицами и кричащие с Шестой авеню; гигантские женские шляпы, что проплывают мимо ворот Патчин-плейс, словно медузы; толпы мальчишек, задирающих девочек; запахи сигаретного дыма и жареных каштанов; сгущающие воздух выбросы из заводских труб – вот он, Манхэттен, того времени. В этом мире мой Натан ни разу меня не покидал. Более того, он на мне женился.

Итак, я могла бы прожить по меньшей мере три жизни. Жизнь в 1918 году, где муж был на войне. Жизнь в 1941 году, где он оставался вместе со мной. Не было сомнений в том, что именно процедура породила такие возможности, но как мне вернуться? Будет ли это продолжаться только до окончания сеансов? А может, я буду прыгать каждую ночь от звезды к звезде, пока не достигну начала – или конца?

– Теперь я все припоминаю, – повторила я.

Пока он гладил меня по волосам, я старалась улыбаться и изо всех сил напоминала себе: 1941 год. «Будь здесь, – сказала я себе. – Будь этой Гретой».

Натан объяснил: произошла автомобильная авария почти три недели назад. Насколько я поняла, у Греты, в которую я вселилась, не только сломалась рука, но и надломилась психика: она стала грустной, истеричной женой этого Натана, одетого в форму военного врача. Он вызвал своего друга-психиатра – доктора Черлетти, конечно, – и тот втайне, за плотно закрытыми шторами, проделал некую «процедуру», чтобы вызволить меня из мрака. Конечно, именно так все и было. Именно так наши сознания соединялись через мембрану между тремя мирами: посредством синей электрической вспышки безумия. Две другие Греты и я менялись местами, просыпаясь в разных жизнях.

– Доктор сказал, что воспоминания будут возвращаться к тебе, но медленно.

Он потянулся к столу рядом со мной, достал плоский серебряный портсигар с гравировкой и открыл его со щелчком, как пудреницу: обнаружился ряд белых сигарет, напоминающих зубы. Натан вытащил одну из них и закурил.

- Ты куришь, - заметила я.

Натан обескураженно покосился на меня и снова погладил по лбу:

- Просто отдыхай.

Он шевельнулся, тут же окруженный завитками лавандового дыма, наклонился ко мне всем телом, и я - боже мой! - уловила запахи некоего старинно-новомодного одеколона, и туго накрахмаленной рубашки, и того, чем были смазаны его волосы (слабый аромат, как будто исходящий от выделанной кожи), но под всем этим я распознала то, чем пах мой давний любовник. Это было ужасно, ужасно - окунуться с головой в свое прошлое. Почти так же ужасно, как слышать его слова, сказанные мне в ухо:

- И помни, что я тебя люблю.

Я никогда не думала, что снова расплачусь у него на глазах после того, как он бросил меня в моем мире. Допустим, ты на что-то надеешься, а там, за пределами надежды - словно приз, оставленный за прилавком, запертый в шкафчик, недоступный для тебя, - есть нечто такое, на что ты даже не смеешь надеяться. Если ты получаешь это неожиданно, без предупреждения и, что хуже всего, без всяких усилий, значит мир сделался волшебным. Значит, мир стал местом, где молитвы бессильны, грехи не караются, нет никакого равновесия, наказания и награды раздаются наугад, словно ими ведает пьяный или безумный король. Местом, вредным для жизни.

- Заходил твой брат, но миссис Грин была неумолима, и наш Феликс...

- Могу я увидеть Феликса? - перебила я его.

Натан рассмеялся:

- Он здесь, за дверью, ждет тебя. Постоянно о тебе спрашивает.

Значит, он жив. Каким окажется мой брат на этот раз? Всегдашним безрассудным упрямым, готовым броситься в водоворот новой любви, как бы она ни выглядела в этом странном мире? С тех пор как я видела его в последний

раз, все наверняка изменилось, и сильно изменилось. Здесь не должно быть дурацкой вашингтонской невесты, и зашифрованных посланий в его глазах тоже. Да, на этот раз мой Феликс может быть самим собой, а если это так, поклялась я себе, я никогда больше не закрою глаза, никогда не покину эту землю, до которой добралась.

- Позови его! Позови его сюда! – закричала я.

- По крайней мере, его ты помнишь. Знаешь, вчера, – с озорной улыбкой сказал Натан, – ты считала, что ты явилась из прошлого. Как-то так.

- Разве мы все не из прошлого? – улыбнулась я. – А я говорила, на что оно похоже?

- Нет. Но мне кажется, ты считала, что оно совсем не похоже на настоящее! – Он рассмеялся. – Теперь ты вернулась. Ты вправду считаешь, что готова к встрече с ним? Мы не хотели тебя будить.

- Да, конечно! Страшно хочу его видеть.

Казалось, Натан сильно взволновался. Его длинное лицо – для меня все еще разительно безбородое – скривилось в улыбке, очки сверкнули, и он исчез в коридоре, где заговорил с кем-то. Заблестела дверь – белый лакированный прямоугольник.

Оставшись одна, я оглядела комнату внимательно, как детектив, изучающий место убийства: надо было подыскать ключи к этому миру. Для больничной палаты она была довольно опрятна. Правда, на туалетном столике, рядом с лаком для ногтей, валялась пара чулок со спущенными петлями, скрученных наподобие клубка змей. Возле столика стоял секретер с поднимающейся крышкой: на нем лежали стопка конвертов, канцелярские принадлежности и мраморная авторучка. Всюду витала золотая пыль. Я старалась примечать все новое. В углу стояло странное металлическое устройство, вроде лампы солнечного света. Вот тогда я и увидела свое отражение в трехстворчатом зеркале туалетного столика.

Там была не я. Не та я, которая так часто отражалась в моем треснувшем зеркале, внутри другой-комнаты-похожей-на-эту: высокая, короткостриженная, со

слишком широкими бедрами (если в джинсах), со слишком маленькой грудью (если в блузке), неправильно сложенная, со множеством изъянов, иногда получше из себя, иногда похуже. Нет, в зеркале, конечно, была я. Но эта женщина отличалась красотой. Высоко зачесанные рыжие волосы ниспадали широкими волнами по обеим сторонам лица: прическа столь тщательно и искусно сделанная, что я не представляла себе, как этого можно добиться. А ниже, подчеркнутое ночной рубашкой, виднелось тело с гладкой атласной кожей кремового цвета, с фигурой как у портновского манекена, несмотря на тяжелую гипсовую повязку. Никогда еще я не выглядела так. Не веря, я потрогала себя здоровой рукой. Я успела побывать другой Гретой, но пока что не воплощалась в другом теле.

Итак, надо было приспособиться еще и к этому: к странному ощущению, что ты не в своем теле. Поднять руку и обнаружить, что она намного глаже и бледнее той, которую я помнила. Почувствовать, что другая рука сломана. Мое и все же не мое. Коснуться своего лица, ощутить, как пальцы скользят по гладкой персиковой коже, натываются на нитку жемчуга, а потом погружаются в океан волос, которые были настолько длинными и пышными разве что в детстве. Резкие черты лица, отражавшиеся в каждом зеркале, слегка затуманились, смягчились, как и все остальное. Вот что может сделать другой с телом, данным тебе при рождении.

– Грета? – донесся от двери голос Натана, и перед моими глазами возникла новая, невероятная картина. «Конечно. И почему я этого не ожидала?» – подумала я.

В белом дверном проеме стоял Натан, держа на руках мальчика лет трех-четырёх; тот прижимался к Натану, словно детеныш коалы к своей матери. У него были маленькие зеленые глаза и блестящие волнистые каштановые волосы.

– Феликс, – обратился Натан к ребенку, – тише. Смотри, Фи, вот твоя мама.

Он поставил мальчика на пол, и мой сын радостно побежал ко мне; с головы его слетела бескозырка.

Я никогда не думала о детях. Нет, не так. Я размышляла о них, как люди размышляют о переезде в другую страну: они понимают, что навсегда

изменяться, но этих изменений потом так и не замечают. Мы с Натаном говорили об этом на протяжении всей нашей совместной жизни. В самом начале мы даже проверяли друг друга. «Хочу узнать, – спрашивал он меня после полбутылки вина, – что ты теперь думаешь о детях? Что-нибудь изменилось?» Я с улыбкой глядела ему в лицо – длинное, бородатое, стянутое беспокойством, словно завязками, – и говорила, что вообще не думала о них с тех пор, как он спрашивал в последний раз. «А ты?» – спрашивала я в свой черед, откидываясь на спинку дивана и обнимая подушку, как ребенка: я ожидала, что вопрос окажется утверждением, но он всегда качал головой со словами: «Нет, пока без изменений». Наступала пауза, и мы оба улыбались.

Поэтому я, конечно, была потрясена, узнав после его ухода к Анне, что они пытаются завести ребенка. Все наши проверки раз в полгода, когда мы искали друг у друга признаки болезни, маленькую опухоль желания, а он говорил, что ничего не чувствует, любит нашу жизнь и не хотел бы поменять ее на другую, все эти вечера с бутылкой и тостами в честь нашего бездетного очага – все это было обманом или, по крайней мере, частичным обманом. Натан все-таки хотел ребенка: просто он никогда не хотел его от меня.

Маленький мальчик подбежал ко мне, стуча ножками в крошечных белоснежных носочках, и бросился в мои объятия. Я была покорена его мягкостью, запахом кислого молока и джема, тем, как потрескивал отглаженный зеленый комбинезон с вышитым на груди вигвамом, с жестким белым воротником и рукавами: первопоселенец и индеец одновременно. Он обнял меня, как мог, и стал извиваться в приступе бурной радости.

– Осторожней с маминой рукой!

Когда отец сказал, что опаздывает на работу и маме станет помогать миссис Грин, ребенок скривился, будто его ударили, и разразился слезами. Натан посмотрел на меня, и я поняла, что должна справляться сама. Он довольно долго был хорошим мужем и нес это добавочное бремя, но мне было ясно, что воспитанием ребенка занимаются эта самая миссис Грин и я. Я чувствовала, как чужой мир затягивает меня, смешивая меня с той Гретой, которая так долго в нем прожила. Я обнимала этого маленького извивающегося незнакомца – моего сына.

– Я слегка задержусь, – сказал Натан, хотя мог и не говорить – я понятия не имела, о чем идет речь.

Вот он целует в лоб меня и Феликса, вот он, в фуражке и шинели с эмблемой медицинских войск, выходит из двери. Я наблюдала за его уходом с дрожью сожаления, ибо знала то, чего не знал он: в моем мире он меня больше не любит.

Наконец первая игра матери и сына: прятки.

– Прячься! – велела я, и Феликс мгновенно исчез, словно знал наверняка, где самое укромное место.

Теперь я могла выяснить, насколько квартира 1941 года отличается от моей собственной и от той, которую я посетила накануне вечером. На стенах коридора – силуэты незнакомцев и самодельные полки с глиняными лошадками. Видимо, здесь постарался мой муж, а не Грета сороковых годов: вряд ли я могла так тщательно собрать все эти хрупкие маленькие фигурки и расставить их, как статуэтки из могил фараонов. Спальню я уже осмотрела. Маленькая детская по другую сторону коридора оказалась сюрпризом: в моем мире стена была снесена, чтобы расширить главную ванную, а сейчас тут располагались крошечные владения моего сына. В сундуке, стоявшем в углу, обнаружился набор потрепанных оловянных солдатиков (мечи согнулись и превратились в орала). В ящичке сундука лежала всякая всячина: камешки, обрывки серебристой бумаги, рваные и совершенно бесполезные однодолларовые банкноты. Самой трогательной находкой были несколько молочных зубов с пятнышками засохшей крови. В коробке с наклейкой «От дяди Икса» хранилась бутылка с тальком, переименованным в «порошок невидимости».

В гостиной я наткнулась на привидение – но нет, как только сигаретный дым рассеялся, я увидела пятидесятилетнюю женщину в темно-зеленом платье, убиравшую что-то к себе в сумочку. У нее было маленькое лицо, розовевшее от краев к носу, и внушительная грудь, обтянутая блестящим бархатом. На макушке – круглый узел из белокурых волос, щедро приправленных сединой. Это, должно быть, и была миссис Грин.

– Доброе утро, миссис Михельсон. Как вы себя чувствуете?

– Лучше, благодарю вас.

Надо же: миссис Михельсон!

- Доктор Михельсон сказал, что пару дней вам было плохо.

Она произносила слова с отчетливым шведским акцентом. Ее манера говорить отличалась старосветским дружелюбием и сдержанной любезностью стюардессы.

- Да, да, но я уже выздоровела.

- Очень хорошо, мадам.

Во время разговора она жестикулировала, зажав в пальцах дымящуюся сигарету. Выглядела она деловитой и доброжелательной, и все же что-то в ней возбуждало жалость. Непонятно, была она постоянной помощницей или ее пригласили из-за моей болезни, «несчастливого случая», вследствие которого у меня сломалась рука и надломилась психика. Но ни миссис Грин, ни мой сын не могли мне помочь: надо было найти тетю Рут.

- Фи уже позавтракал, - продолжала она, - я собираюсь пойти с ним в парк. Я подумала, что вам все еще нужно отдохнуть.

Она рассказала мне еще кое-что о моем сыне - я не очень хорошо поняла, но на всякий случай кивнула - и сообщила, что в холодильнике стоит горшочек с куриным пирогом, который я могу поставить в духовку.

- Да, пожалуй, так лучше всего.

- Я пойду за продуктами и к прачке. Будут еще поручения?

- Нет-нет, я... - начала я, заглядывая в спальню.

На самом деле поручения, наверное, были. Прямо на моем ночном столике лежал ежедневник, приличествующий супруге врача.

- Мадам?

- Да, я отдохну. У меня до сих пор кружится голова, и я все забываю. Простите.

- Понимаю, такое напряжение... Не беспокойтесь ни о чем, я все сделаю. Что вы хотите на ужин?

- На ваше усмотрение.

- Я думаю, бараньи отбивные, картофель и заливной салат.

- Прекрасно.

- А мальчик уже одет? - спросила она.

- Нет-нет. Собственно, он где-то прячется.

- Прячется?

- Мы играли в прятки.

Миссис Грин наконец допустила на свое лицо какое-то выражение, и я сразу поняла, что сделала нечто ужасное. Она ничего не сказала, - видимо, это было выше ее понимания: как может мать играть в прятки, когда ее ребенок должен быть одет для прогулки в холодном парке? Земля вот-вот развернется.

- Я найду его, - пообещала я.

Она улыбнулась так, словно я случайно нажала кнопку «Вызов», кивнула и ушла на кухню. Мне было непонятно, что она мне внушает: восхищение или ненависть.

Сына я нашла в ванной. Сперва он закричал от ужаса, когда я отодвинула занавеску и обнаружила его сидящим на корточках под душем, но потом бурно развеселился из-за своей сообразительности. Я отдала его миссис Грин, которая к тому времени сама управилась с пирогом. Ее серые глаза остановились в первую очередь на испачканной одежде мальчика, а затем на его матери-правонарушительнице. Она увела его переодеваться. Тогда-то я и прокралась к ежедневнику.

– Миссис Грин! – крикнула я, вбегая в детскую. – Я передумала.

Она пыталась натянуть на сопротивлявшегося Фи шерстяные штанишки. Тот выглядел несчастным, словно животное, которое заставляют носить человеческую одежду. Миссис Грин так посмотрела на меня, что я чуть не отступилась, но меня переполняла решимость.

– Я сама схожу с Фи в парк. Выполните мои поручения и согрейте пирог; мы вернемся к обеду.

– Понимаю, – сказала она отчетливо. – Вы уверены? Раньше вы не...

– Уверена. Оденьте его, мы уходим через минуту.

– Хорошо.

Я направилась в спальню, где нелепый пенюар в анемоновых оборках упал к моим ногам, и взглянула на часы: девять тридцать. Времени оставалось в обрез. На открытой странице ежедневника моим почерком было написано:

Феликс, Гудзонский парк, десять.

Тюрьма 1918 года и страшно уродливая надземка на Шестой авеню исчезли, но в витринах по-прежнему виднелись плакаты, призывавшие подписываться на военный заем, а люди в форме, кутившие повсюду, мало отличались от людей из того мира. «Цветы!» – кричала с тротуара старушка-итальянка, сгибаясь от тяжести корзинки с фиалками и душистым горошком. «Цветы! Цветы!»  
Блондинка-хористка в длинных красных китайских брючках прогуливалась пекинеса и, рассыпая всюду улыбки, споткнулась, уронив одну из своих туфель в лужу. Я подняла ее и протянула хозяйке, а та ответила мне улыбкой и испуганным взглядом: «Боже, теперь я не смогу их вернуть, да?» Пекинес зашелся лаем, похожим на хохот. Девушка сунула маленькую ножку в туфлю-лодочку и снова пошла среди разгоряченных моряков, виляя задом.

И вот мы уже к западу от Седьмой авеню, у Гудзонского парка, которого я не узнала: я и не могла узнать его, с этим странным утопленным садом и памятником пожарным. Его не было в моем мире 1985 года. Он напоминал осушенный фонтан и был не слишком-то рассчитан на детей, скорее он мог служить источником вдохновения для траурного набора Викторианской эпохи. При виде игровой площадки Фи сразу же забыл о своей любви ко мне. Я разрешила ему побежать туда, куда влекло его сиюминутное желание, – к мальчишкам в кепи и коротких штанишках.

Мои мысли снова обратились к дому: я воображала, что поднимаюсь по лестнице, направляюсь в гостиную, раздвигаю завесу сигаретного дыма – и обнаруживаю, что там все еще стоит миссис Грин, глядя на меня деловито и доброжелательно. Мне казалось – нет, я знала наверняка, что она видит меня насквозь, видит то, что известно каждому. Конечно, оно должно было существовать в этом мире, как и в любом другом: то, что известно каждому. Я подумала: если я это пойму, возможно, все закончится, завеса рассыплется в прах, жизнь и здоровье восстановятся. Возможно, для этого я и оказалась здесь.

Затем мне в голову пришла безрассудная, глупая мысль. На коленях у меня лежала забавная сумочка из шероховатой кожи: я открыла ее, поискала среди носовых платков и футляров с помадой, и вот она! Пачка «Пэлл-Мэлл»! Я вытащила сигарету, прикурила от спички и стала наслаждаться вкусом смерти, о которой здесь никто еще не подозревал. О, я заслужила немного удовольствия. В каком прекрасном мире я очутилась!

Малыш Фи сидел и разговаривал с белокурым мальчиком, пытаясь надеть на него свою вязаную шапочку; тот вроде не возражал, но шапка на него не налезала. По устремленному на меня взгляду одной из женщин я предположила, что это его мать. Скандинавка по внешности, она выглядела моложавой и длинноногой, несмотря на унылое, до пят, пальто в клетку. Как она только умудрялась жить в эту странную эпоху? Я знала, что будет война, но пока мы в нее не вступили. Я знала, что масса женщин скоро начнет работать, управлять машинами и мало-помалу укреплять государство, меж тем как их юбки будут становиться все короче, чтобы больше ткани шло на обмундирование, а нейлон пойдет на парашюты для молодых людей, прыгающих из самолета на Тихоокеанские острова. Все это еще только будет, но уже совсем скоро: неужели эта женщина ничего не ощущает?

– Эй, пышечка, вот ты где! Что новенького?

Вот и он. Снова живой. В смешной сыщицкой шляпе и таком же пальто – другой мир, другой Феликс.

– Скажи Грин, что я зайду попробовать ее куриный пирог, – сказал мой брат, садясь рядом и бесцеремонно затягиваясь моей сигаретой.

Я вцепилась в него и не выпускала целую минуту, но в конце концов разжала руки, глядя на его недоуменное лицо.

Я смогла выговорить лишь обычное:

– Я так по тебе соскучилась.

– Дурачу дурашку! Знаю: никаких посещений. Грин меня пристрелит.

Он рассмеялся, этот мой брат номер три. Одет он был совсем не в своем стиле – мешковатый коричневый костюм, галстук с большим, как персик, узлом, помятая фетровая шляпа, сдвинутая на затылок. Рыжие волосы были напوماжены, а классический нос портила небольшая ссадина. Усы исчезли, но веснушки остались; голубые глаза не изменились, хотя часть спрятанного в них озорства растворилась в сером свете дня.

– Что значит – никаких посещений?

– Доктор запретил, – объяснил он.

– Мой старый друг доктор Черлетти... – протянула я.

Я заметила обручальное кольцо у него на пальце и какое-то мгновение не могла оторвать от него взгляда. Феликс Уэллс, женатый мужчина.

– Как скажешь. – (Радио в припаркованной машине передавало дерзкий свинг; ветер доносил до нас женский смех.) – Туристы все разрушают, – покачал он головой.

- Как поживает Ингрид? - отважно спросила я.

- Ингрид? Заботится о ребенке. Заботится обо мне. Я негодный муж. - Еще один смешок.

- О ребенке, - повторила я.

Небо над нами распахнуло свой покров, облака обрели очертания на фоне ярких синих прогалин.

- Я пришел проведать тебя, пышечка.

Голос его стал мягче, значит Феликс уже не дурачил дурашку. Я чувствовала тепло его поддержки - он по-прежнему давал мне то, по чему я скучала, чего я лишилась.

- Что говорит доктор? Мне ничего не рассказывают.

- Доктор? Что ты излечилась, но была... - Он скорчил беспокойную гримасу. - Была очень грустна, и тебе понадобилась... помощь. Процедура. Лучше сама расскажи мне, пышечка.

Он протянул руку и, закрыв глаза, еще раз затянулся, да так, что я услышала потрескивание тлеющего табака, - ни дать ни взять крохотный костер.

- Я не помню, - сказала я. - Ничего не помню. Что со мной случилось?

Он отвел от меня взгляд и посмотрел на моего сына, на женщину, которая сидела через дорогу, наблюдая за нами. Потом он повернулся ко мне с видом, так хорошо мне знакомым. В машине грохотала музыка, водитель барабанил пальцами. Каково же оно - то, что всем известно?

- Ты в порядке, детка?

Где в этом сне мой союзник? Где Рут?

- Феликс, мне нужна твоя помощь.

- Что они с тобой сделали?

- Что случилось? Была авария.

- Мы не должны...

- Господи, просто расскажи мне все. Они ничего мне не говорят.

Он смотрел на меня с острой болью – так наблюдают за тем, что сгорело дотла. Казалось, что он смотрит на сестру, которая всегда была уравновешенной, нормальной, обычной и здоровой, а теперь разваливается у него на глазах.

- Вы попали в аварию, ты и Рут. Не по своей вине. У тебя тяжелый перелом и сотрясение мозга...

- А Рут? – перебила я его.

Мы сидели на скамейке и смотрели друг на друга с такой жалостью и завистью, как могут смотреть только брат и сестра.

- Грета... – начал он.

- Она погибла, да? В этой аварии, – сказала я. – Она умерла.

Он медленно кивнул. Ветер взметал вокруг нас золотые листья.

- О Рут, – простонала я, уронив голову на руки.

Я почувствовала слезы на глазах и позволила себе разрыдаться, ощущая руку брата у себя на спине. Мне вновь стало понятно, что в этих мирах я не просто посетительница. Я по-настоящему переживала смерть Рут, хотя легко могла представить ее в тюрбане и с бисером внутри другого мира, живую. Но я все лила и лила слезы в свои белые перчатки. Я не принимала обличье других Грет, я становилась каждой из них.

– Мне так жаль, Грета. Я думал, ты помнишь.

– Нет-нет... Боже мой. Она так нужна мне здесь. Бедная Рут. Я вот что хотела сказать... – Здесь я заставила себя остановиться.

– Вот почему Натан нашел врача. Ты никак не могла прийти в себя, Грета. – Он наклонился и положил руку на мое колено. – Не надо мне было все это говорить.

Я высморкалась и вытерла слезы, затем выпрямилась и произнесла:

– Мне надо сказать тебе вот что: я – это не я.

Он опять сморщился от боли. Я почувствовала, как мои руки начинают дрожать от всплеска эмоций, и даже выронила сигарету. Я не привыкла к такому. В этой жизни, как и в прошлой, я наверняка играла роль трезвомыслящей сестры. И вот я стала слабой и сломленной. Невыносимо. Я вспомнила картину, которую наблюдала когда-то, проезжая по шоссе: маленький спортивный автомобиль медленно, осторожно вытягивает из кювета старый грузовик.

То, что всем известно. Для Феликса всем известное, конечно, состояло в том, что его сестра лишилась рассудка.

– Тебя может шокировать то, что я скажу, – начала я. – Понять это нелегко. Я видела такое... Я пришла из такого места, которое...

– Хорошо-хорошо.

Он взял меня за руку, – оказалось, что мы оба сильно замерзли.

– Феликс, – объявила я, – я не та, за кого ты меня принимаешь.

Он долго смотрел на меня, размышляя над моими словами. Свет изменил все вокруг нас, пролившись на каждого человека в парке – на моего сына, на женщину, будто выделял исполнителей, составляющих труппу. Наконец Феликс заговорил:

– Я тоже, детка.

При звуке этих слов я наконец услышала своего умершего брата.

Потом Феликс, стряхнув задумчивость, поднялся.

– Мне надо идти, – сказал он, подхватывая пальто, и повернулся. – Хочу тебя кое с кем познакомить. Приходи ко мне обедать на следующей неделе. Ингрид уедет к родителям. А сейчас мне пора. – Он посмотрел на меня с неуверенной улыбкой, щеки его горели. – Пышечка, я все пойму, что бы ты ни сказала, – заверил меня он. – Все, что угодно. – Он накинул на себя пальто и снова повернулся ко мне. – Сейчас я тебя посажу, цветочек, – подмигнул он, – а потом выкопаю.

Что значит потерять близнеца? Мой брат был не просто мальчишкой, с которым я выросла, он был всей моей молодостью. Я не помню себя без него. С самого начала мы были союзниками в окружающем мире, с нашим собственным языком (смесь семейного немецкого и няниного испанского), с собственными чудовищами и божествами, с дверями в другие миры. Я понимала, что он делает и почему. Я знала, что такое его тело, его храбрость, его глупость. Мы становились старше, но все оставалось по-прежнему, без расставаний, без изменений. Признавшись, что любит мальчиков, он стал мне гораздо понятнее, – в конце концов, мне тоже нравились мальчики, значит и Феликсу они должны нравиться. Нам всегда нравилось одно и то же. Спагетти с жареной колбасой и кетчупом. Возможность поговорить о мальчиках стала огромным облегчением для меня. И вот я его потеряла.

Я наблюдала за тем, как брат идет через парк, приподняв шляпу перед старушкой в ярко-зеленой шали. Он снова был потерян для меня, но по-другому, совершенно по-новому. Однако я вспомнила его слова. В этом «все, что угодно», как в капле воды, для меня заключался мир.

Тем вечером я прощалась с этим вторым миром, теша себя возможностью проснуться в некоем третьем. Поэтому все пробуждало во мне нежность. Сын, со слюнявым поцелуем желающий спокойной ночи. Миссис Грин, засовывающая вязанье в сумочку. Натан, чистящий зубы перед сном. Странно видеть людей, занятых обычными ежедневными делами, когда ты одна знаешь, что это прощание.

Той ночью, например, я наблюдала, как Натан раздевается: старомодным жестом расстегивает пуговицы на брюках и вешает брюки на деревянную вешалку, стоя в нижнем белье с завышенной талией. Затем он сел рядом, почти обнаженный, не зная, что ему не следует этого делать, не следует быть со мной. Ну а я не могла остановить его, не производя впечатления ненормальной. Я не могла сказать: «Перестань, это неправильно, в моем мире ты меня не любишь». Я не могла сказать: «Пожалуйста, не мучай меня». Поэтому я просто сидела, между тем как он, сняв нижнюю рубашку и кальсоны, встал совершенно нагой, потом натянул полосатые пижамные штаны и скользнул в постель рядом со мной, позевывая, словно ровно ничего не произошло. Поцелуй на сон грядущий, «спокойной ночи, любимая». Закрывая глаза, я чувствовала себя виноватой, будто подглядывала за ним в замочную скважину.

Однако, проснувшись на следующий день, я увидела все то же узкое лицо – «Доброе утро, любимая!» – и все тот же рекламный щит в окне. Ничего не изменилось. Это из-за процедур я перемещалась ночью между мирами, и теперь мне приходилось ждать неделю до следующего путешествия, но в то же время я полагала, что могу застрять в этом мире навсегда. Просыпаться каждое утро и видеть, как малыш заглядывает в дверь и подбегает ко мне. Спать каждую ночь рядом с Натаном. Так ли уж это плохо?

Как я считаю теперь, самым замечательным в моих путешествиях было то, что я одна могла оценить всю прелесть этих миров. Никто из обычных людей в 1918 году не находил мерцающий свет газового фонаря странным или красивым, никто не называл здания старого Голландского рынка иначе как «бельмом на глазу»; мир для них одновременно и распадался и сжимался. И точно так же людям, живущим в 1941 году, мир представлялся сразу и слишком архаичным, и слишком современным. Старые рекламные щиты и забавные металлические звуки повседневности, женские юбки с оборками и бытующий среди мужчин обычай приподнимать шляпу в знак приветствия – все, что ушло навсегда, не имело для них значения. Я походила на туриста, который приезжает в новую страну и находит ее очаровательной и в то же время смешной. Зачем вообще носить такие шляпы? А такие юбки? Почему мы забыли простые правила хорошего тона и не здороваемся с незнакомцами на улице? Тем, кто живет в своем времени, все это, конечно, не кажется странным. Для них это обычная жизнь со всеми ее проблемами – и лишь когда их на миг выбивают из колеи, они способны увидеть, какое все вокруг странное и прекрасное. Это случается, когда их выбивает из колеи любовь или смерть. Они не думают, что все это может

исчезнуть, не думают, что они могут заскучать по тихому снегопаду на Пятой авеню, из-за которого их «Форд-Т» еле ползет, или по ужасному запаху устричных раковин и конского навоза, или по зеленым поездам надземки, закрывающим вид из окна. Я единственная знала, что все это будет утрачено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/endru-shon-grir/nevozmozhnye-zhizni-grety-uells/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

«Бреворт-хаус» – фешенебельный отель в Нью-Йорке.

2

Название Манхэттен происходит от слова «манна-хатта», что на одном из индейских языков означает «холмистый или малый остров».

3

«Обезьянья лапка» – рассказ английского писателя Уильяма У. Джейкобса. «Эффект обезьяньей лапки» состоит в том, что отрицательные последствия волшебного исполнения желаний намного превосходят положительные.

4

«Гензель и Гретель» – сказка братьев Grimm о юных брате и сестре, которым угрожает ведьма-людоедка.

----

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/endryu-shon-grir/nevozmozhnnye-zhizni-grety-uells-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)